

Поляков Эдуард и Варвара Серебро

Хозяйка Мертвой Воды

Флакон 2: Пар,
моторное масло и магия

Варвара Серебро

**Хозяйка мертвой воды. Флакон
2. Пар, моторное масло и магия**

«Автор»

2018

Серебро В.

Хозяйка мертвой воды. Флакон 2. Пар, моторное масло и магия /
В. Серебро — «Автор», 2018

Аркрум – империя господства пара и магии, страна где царит равенство рас, государство, где равнинные люди, подгорные дворфы и горцы-аслау живут в мире. Когда-то давно это было так, а сейчас... Хельге предстоит окунуться в грязь дворцовых интриг, столкнуться с маньяком Чучельником и излечить самую страшную чуму общества – равнодушие и черствость сердец. Кто если не она? Кто если не Хозяйка Мертвой воды? Книга содержит нецензурную брань

© Серебро В., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1. Столица пара и дом магии	5
Глава 2. Другая жизнь	12
Глава 3. Идейные противники	19
Глава 4. С корабля на бал	30
Глава 5. Иллюзии	42
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Эдуард Поляков, Варвара Серебро

Хозяйка мертвой воды. Флакон

2. Пар, моторное масло и магия

Глава 1. Столица пара и дом магии

Когда фокусник отдернул бархатный плащ, Хельга обнаружила, что они стоят на дороге перед высокими, покрытыми желтоватой материей, фургонами. Это был тот самый балаган, что выступал накануне на площади Китежа. Сами артисты окружили её и фокусника, и теперь с интересом изучали.

Хельга вспомнила, что обещала служить фокуснику, пока не выполнит три его условия: рассмешить, удивить и заставить плакать. Если бы не угроза жизни, вряд ли бы она согласилась на подобное. Теперь придется уезжать, иначе эти фанатики из Китежа найдут её и все припомнят.

– Зачем она нам? – спросил слепой метатель ножей, который оказался совсем не слепым, потому как смотрел на чужестранку из Китежа во все глаза.

– Спрячьте её, пока мы не отъедем подальше от города, – приказал иллюзионист.

Хельга осмотрелась. Нет, ей это всё не показалось, она стояла посреди пыльной дороги, в отдалении от столицы скивов – Китежа. Башни города, стоявшего на острове посреди Ярозера, виднелись вдалеке, на фоне голубого, чистого от облаков неба. Выглядела она как нищенка или леди бомж. В грязном платье, пропахшем потом и тухлыми овощами, которыми в неё стреляли жители Китежа, когда ее везли на площадь.

Матерчатая пола ближайшего фургона приоткрылась, и из-за неё показалось татуированное лицо женщины.

– Заходи, шулам, – пригласила она и выкинула через край фургона лесенку – пока поедешь с нами, а там посмотрим.

Хельга вспомнила, что женщину звали Агнессой и именно она ещё совсем недавно сделала этническую татуировку на плече Храбра.

– Спасибо, – поблагодарила беглянка и съёжилась. Не очень-то хотелось забираться в неизвестно чей фургон, из которого веяло запахом залежавшегося тряпья.

– Переоденешься, шулам. В сундуке, кажется, завалялось одно из платьев, которые носит твой народ.

Хельга ловко вскарабкалась по лесенке и села на один из сундуков, напротив раскосой девушки – помощницы татуировщицы, которую она называла “Вивеной”. Таких девушек она видела на картинках с рекламой тайского массажа. Стройная, с прямыми черными волосами, широким лицом и немного сплюснутым носиком. Внутри фургона оказалось душно и темно. Пахло не только слежавшимся тряпьем, но и какими-то приправами. Фургон сдвинулся с места и под его матерчатым потолком закачались костюмы, которые висели там на перекладине.

– Куда мы едем? – спросила Хельга девушку, стягивая с себя грязное тряпье, в которое превратилось ее платье.

– В Раудвилль, и домой, – ответила раскосая Вивена и подала ей платье, от которого пахло сыростью, но оно все же было вполне нормальным.

Дорога оказалась неблизкой. И Хельгу мучили сомнения. Куда она едет? Зачем? Что дальше? Конечно, это в любом случае лучше, чем вариться в горячем масле посреди Китежа.

Несколько дней жёлтые фургоны “Театра иллюзий” ехали сквозь дремучие леса по дорогам земель Скив. До чего же высокими вырастали в этих землях сосны, с витиеватыми кор-

нями и могучими стволами. Хельга иногда выбиралась из душного фургона и сидела рядом с возницей, роль которого выполняла мастер татуировки Агнесса.

Бивена, помощница татуировщицы, редко встревала в их разговоры. Да и вообще, вела себя слишком самоуверенно и холодно. Она оказалась не очень-то общительной особой.

Вот и сейчас, она рылась в сундуке, любовалась своим премиленьким азиатским личиком в зеркальце, украшенное фольгой и совсем не обращала внимания на попутчицу.

Хельге надоело наблюдать за этой “восточной диковинкой” и она, по обыкновению, выбралась из фургона, и села рядом с татуировщицей на козлах. Фургон несколько раз сильно качнуло от того, что под его колёса попало несколько сосновых корней, которые пересекали дорогу. Из фургона послышались недовольные возгласы Бивены.

– Что ты пообещала хозяину, шулам? – спорила Агнесса, когда девушка устроилась поудобнее.

– С чего ты взяла, что я ему обещала что-то? – насторожилась Хельга.

Агнесса как-то хитро усмехнулась и вытатуированные на ее щеках рисунки съёжились.

– Фалько предприимчив, ничего не делает просто так. Обдерёт, как липку. Если бы ты ему не была для чего-то сильно нужна, он бы не стал рисковать и похищать смертницу. Хотя, кто знает, в последнее время он ведёт себя очень странно.

– Так и есть, теперь я обязана ему и даже не понимаю, чем именно, – призналась китежская целительница.

Хозяйка фургона, сделала какие-то выводы у себя в голове и сменила тему. Сегодня она была одета совсем не так, как на ярмарке в Китеже. Вместо просторных шаровар и лифа, Агнесса нарядилась в скромное платье коричневого цвета, с высоким воротом и длинными рукавами. И если бы не татуировки на лице, её можно было принять за светскую даму девятнадцатого века. Таких Хельга видела как-то на старых фотографиях в музее, куда её водили с классом, в бытность обучения в школе, в дни зимних каникул.

– Я родом с поцелованной богом земли Мадьях, а ты откуда?

– Эм... из Оренбурга, – немного замялась Хельга.

– Что за место? Далеко?

– Расстояние до него не измерить шагами, – загадочно ответила Хельга.

– Расскажи о нём.

Чтобы скоротать время в пути, Хельга стала рассказывать попутчикам байки, истории и легенды. Все, что когда-либо читала в книгах или видела по телевизору. О личной жизни она старалась не упоминать. Вечерами, когда путники останавливались на отдых, у костра, во время ужина, чужестранку вновь и вновь просили рассказать ещё какую-нибудь необычную историю. Красивая легенда о короле Артуре и волшебном мече пришлась по вкусу мужчинам, а Анна Каренина девушкам. Да и Фалько очень подробно расспрашивал её о подобных историях, все заносил в свой кожаный блокнот.

Во время таких посиделок Хельге удалось познакомиться с трупной фокусницей поближе. Неделью спустя, их разношёрстная компания выбралась из дремучих лесов Скив. Теперь на их пути встречались открытые пространства, деревеньки с добротными каменными домами и вспаханymi полями, засеянными пшеницей, кукурузой и овсом. Высокие ветряные мельницы и веселые постоянные дворы.

Путники пересекли два больших моста через реки и приблизились к границе двух стран. На заставе их не стали долго задерживать и досматривать, стоило только фокуснику Фалько показаться из фургона.

Облако смога, висевшее над столицей Аркрума городом Раудвиллем, было заметно задолго до того, как показались высокие коптящие трубы и круглая городская стена, сложенная из красного кирпича.

Путники прибыли в город на закате. Фалько пригласил Хельгу пересесть на козлы своего фургона. Может боялся, что она сбежит? А может просто хотел показать ей окрестности и поговорить.

Мошёная брусчаткой дорога упиралась в белые каменные ворота, на которых восседали львиноголовые химеры с крыльями, как у летучих мышей и скорпионьими хвостами, и это были статуи из белого мрамора. Они двигались словно живые, помахивали хвостами с жалами и сверкали рубиновыми глазами, и было в их движениях нечто завораживающее.

– Лиадорские мантикоры – венец творения гения магов этой провинции, – пояснил иллюзионист, видя восхищение и замешательство девушки. Ему явно импонировали реакция и эффект произведённые воротами столицы.

– Они живые? – спросила Хельга, пытаясь справиться со смесью трепета и ужаса.

– Увы, нет, это лишь искусные статуи, в которые маги Аркрума вдохнули некое подобие жизни и наделили целью – зачищать город.

– То есть они боевые? – трепет Хельги начал смеяться любопытством.

– Конечно, они ведь стражи города. Если, не дай бог, столицу атакуют – мантикоры первыми вступят в бой, и я совсем не завидую тем, на кого падёт их рубиновый взгляд.

Проехав ворота города и ещё не отойдя от произведённого мантикорами впечатления, Хельгу захлестнуло новое чувство. Улицы Рудевилля были вымощены плиткой из такого же белого мрамора, как и мантикоры на воротах, и стыки между ними слабо сияли голубым магическим светом, освещая улицы. Дома тоже поражали воображение: высокие каменные здания пастельных тонов с висящими факелами, которые горели магическим, синим огнём. У входа в самые большие и величественные здания стояли големы в виде рыцарей, химер, звероподобных людей с одной или двумя парами рук, в которых были зажаты мечи, сабли и алебарды. Големы изготавливались из разнообразных материалов. У богатых домов – из чёрного абсидианта, оранжевого, как огонь, боксита и красной с черными прожилками яшмы. Богачи гордились своим достатком и выставляли его напоказ.

На фоне прогрессивной магии, пропитавшей улицы Раудвилля, редкие богато украшенные кареты выглядели несколько гротескно. Хельга ожидала, что жители этого города должны передвигаться минимум на коврах-самолетах или левитировать в хрустальных шарах и простыях, хоть и в богатой упряжи, лошади несколько диссонировали с окружающим миром.

Осматриваясь по сторонам, она не заметила, как театральный караван подъехал к трёхэтажному круглому зданию, с красным куполом.

Принадлежность этого строения легко угадывалась, что в нашем, что в магическом мире по форме – цирк, театр иллюзиониста и зверинец. Хельга поняла это ещё до того, как смогла рассмотреть афиши, висевшие в пролётах между окнами. Фургоны окружили круглое здание, и вся труппа начала активно разгружаться около ангара с широкими воротами. Их встретило ещё трое дворфов. Скорее всего они проживали при цирке постоянно и присматривали за хозяйством.

– Мы приехали? – обратилась Хельга к спасителю, мастеру фокусов и иллюзии.

Фалько, высадился из фургона и теперь стоял в стороне, ровно так, чтобы было видно все повозки. Его ловкие пальцы сжимали наверху трости, украшенное вырезанной из кости головой ворона. Вивена взяла вещи из фургона Агнессы, торжественно подошла к хозяину, встала рядом и смотрела на него как разомлевшая по весне кошка.

Да, приехали, – громко ответил Фалько Хельге. – Посмотри на моё детище – мой Театр иллюзий. Здесь трудятся и живут те, кто проделал этот путь с нами. Ты, как моя гостья, останешься у меня дома. Скромный коттедж за городом должен показаться тебе уютнее тесных комнат моего театра.

Услышав такое распоряжение, хрупкая Вивена уронила узел с вещами, стала бледной и молча уставилась на хозяина. В уголках её раскосых глаз заблестели хрусталики слез. Агнесса, прыгнула с козел своего фургона, подошла к помощнице, толкнула её в бок и проворчала:

– Ты мне теперь ни к чему. Тащи свои вонючие пожитки дальше!

Хельга внимательно всматривалась в лицо иллюзиониста, пытаясь прочитать по его выражению, не задумал ли он какой оказии. Все же перед ней был сорокалетний мужчина с утончёнными, аристократическими чертами лица и черными, как угольки, глазами, в которых угадывался хитрый блеск.

– И не надейся, тебе ничего не обломится, старый извращенец. Я тебе конечно благодарна и всё такое, но будь добр, держи свою “ручную змею” на привязи.

Иллюзионист похоже не ожидал такого.

– Что ты, я и не планировал никаких поползновения в твой адрес. Ты забавная, мне импонирует твоя самоуверенность в собственном превосходстве. Это жест гостеприимства. К тому же, ты моя ассистентка, на время нашего контракта ты несколько больше других должна быть погружена в тайны иллюзий и колдовства. Неужели думаешь, что я, – он указал рукой на собственную персону, – не могу себе позволить любовь и ласку истинных мастериц этого ремесла?

Этот спич несколько обескуражил Хельгу. Иллюзионист, только что почти прямым, хотя и завуалированным текстом нагло намекнул девушке, что она далеко не самая красивая и к тому же не в его вкусе. Хельга таких зазнаек не прощала, и при возможности давала сдачи.

– У тебя в комнатах надеюсь есть замки? – Хельга испытующе посмотрела на человека приглашающего её в гости.

– Ты всё ещё сомневаешься в моей порядочности?

– Дай только повод, старикан, и я твои бубенчики на кулак намотаю, – произнесла она и её волосы приобрели лиловый оттенок.

– Бубенчики? Хм, какая интересная аллегория, надо будет запомнить. Садись, – указал он на прибывшую к круглому зданию театра, карету.

Карета оказалась не такой украшенной, как у богачей, да и лошади не одной масти, поэтому целительница решила, что это что-то вроде “аркрумского такси”.

– Я на секундочку, нужно отдать ещё пару распоряжений, – с этими словами фокусник отправился к театру, в окна которого только-только появился тёплый свет.

А Хельга в это время пыталась решить для себя, что для неё лучше, маленькая каморка в этом клоповнике, где её точно никто не тронет, или же, без сомнения, уютный дом, в котором наверняка имелась горячая вода, пуховая перина и тёплый туалет, но с этим странным типом по соседству.

Хотя выбор и был сложным, девушка все же решила принять предложение иллюзиониста. Горячий душ и постель без паразитов, сейчас для неё мечта, ради которой она готова была пойти на риск. Ну, а если какая шальная мысль придёт в голову местного аналога Кашпировского, Хельга без душевных терзаний даст ему по этой голове, тем более тонкий и острый стилет у неё имелся.

Открыв дверь указанной иллюзионистом кареты, Хельга сперва отшатнулась: внутри каким-то образом оказалась Вивена. На её лице отражалось непонимание, отчаянье, она окинула Хельгу взглядом полным презрения.

На несколько минут повисло молчание. К карете подошел иллюзионист и с удивлением посмотрел на Вивену.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он девушки.

– Тебя жду, – ответила она, потупив раскосые глаза в пол.

– Насколько я помню, ты живёшь в театре, так что будь добра освободи карету.

По щекам Вивены катились слезы ярости, и что самое главное, она смотрела на чужестранку, так, словно вот-вот вцепится ей в волосы. Хельга сжала кулаки, готовясь отразить возможную атаку, но этого не произошло. Пару секунд девушка помедлила и вышла из кареты, что было сил хлопнув дверью, в которой зазвенели стекла.

Фалько запрыгнул в карету и устроился на том месте, где только что сидел Вивена. Хельга тоже села на сиденье. Хозяин придвинулся ближе. Острое лезвие недорогого ножа коснулось бока иллюзиониста.

– Как все серьёзно, девушка, вы со своим нравом наживёте в столице очень много врагов. Пожалуйста, впредь попробуйте вести себя сдержаннее и желательно прячьте свой взгляд за маской кротости и невинности, – усмехнулся иллюзионист, впрочем, пересев подальше.

Карета тронулась, Хельга придвинулась к небольшому окошку, стараясь рассмотреть ночной город как можно лучше, а иллюзионист вывернул колёсико магической лампы, которая висела рядом на стенке, достал блокнот, в котором начал что-то записывать, прикусив в увлечённости губу. На Хельгу он не бросал даже мимолётных взглядов, видимо она и в самом деле была ему безразлична. И, честно сказать, это немного задевало её самолюбие.

Минут пятнадцать карета двигалась по ночному городу, за стеклом мелькали площади, статуи, иногда фонтаны, пока довольно резко не остановилась.

– Мост закрыт, поворачивай! – раздался громкий оклик.

Глухой звук удара, конское ржание. Видимо ни в чём не повинной кобыле, запряженный в повозку, досталось из-за того, что кучер остановил её не вовремя.

Хельга не удержалась, выскочила из кареты посмотреть на перекрытую дорогу и хоть мельком взглянуть на реку, закованную в каменную мостовую.

– Вход воспрещён, миледи, – с уважением обратился к ней высокий констебль в темно-синей форме, с начищенными до блеска медными пуговицами.

– Что случилось, господин инспектор? – Хельга решила пустить в ход женские чары, было видно, как страж порядка старается глядеть девушке в глаза, но изредка его взор опускался ниже, к зоне пышного бюста.

– Что вы, мадмуазель, я всего лишь констебль, – зарделся страж порядка. Ему импонировало, что девушка приняла его за офицера.

При помощи лести можно многого добиться, а если при этом ещё использовать хоть малую толику женского очарования, совмещённую с напускной робостью, мужчиной можно вертеть, как угодно. Жаль, этот приём иногда давал сбой. Например, с Храбром и Пересмыслом. Последний, кажется, вообще видел её насквозь.

– Так что там произошло? – пока произведённый эффект не улетучился, девушка хотела разузнать побольше.

– Убийство. Третья за нынешний месяц жертва Кожаной маски.

– Кого? – переспросила чужестранка.

– Дочь одного господина. В городе орудует маньяк, будьте осторожны, миледи.

Хельга обошла карету и увидела девушку в белом дорогом платье, которая лежала поодаль, окружённая полицейскими, со светильниками. Лицо она не могла рассмотреть, оно казалось каким-то темным.

– Хельга, – позвал её фокусник.

Фалько хотел глянуть на место преступления, но Констебль, увидев иллюзиониста, преградил дорогу.

– Не положено! Вы можете переправиться по соседнему мосту. Там проезд свободен, – указал он на право.

Хельга вернулась обратно в карету без настроения.

– Ещё бы немного, и он подпустил бы меня гораздо ближе. Ты все испортил!

Но Фалько не отреагировал на её упрёк, снова погрузившись в мысли и продолжил делать записи в свой блокнот при свете яркого магического фонаря.

“И что он в этом блокноте все пишет?” – подумала спутница фокусника.

Извозчик развернул лошадей в сторону, и карета некоторое время ехала вдоль темной набережной. Река Дэвар разделяла Раудвилль пополам и в черте города была заключена в каменные берега. Из-за темноты вода в ней казалась чёрной и в ней отражался свет магических фонарей и окон красных зданий, которые тянулись вдоль набережной, по противоположной стороне реки.

– Театр Фалько находится в той части города, где живут маги, а вот мой дом построен в одном из инженерных кварталов, – пояснил работодатель Хельги.

Другая часть города и в самом деле разительно отличалась от той, в которой стоял театр иллюзиониста, словно это был даже не другой город, а иная страна: многоэтажные здания, сложенные из красного кирпича, широкие улочки, освещённые не магическим светом, а газовыми фонарями. Кроме карет, на улочках встречались паровые автомобили, горожане в строгих костюмах и длинных платьях с корсетами со множеством оборок и воротниками, стойками, или в кружевах. Эта часть города жила жизнью, похожей на ту, о которой бывшая жительница другого мира читала на страницах книг Артура Конана Дойла. Но, спустя полчаса, хмурый пейзаж за окном кареты сменился на загородный и более живописный. Однотипные двухэтажные дома с балконами, с садиками и просторными зелёными лужайками.

Хельга посмотрела на своё платье: “Нет в таком здесь никак нельзя!”

По пути она присмотрела парочку магазинов с вывесками “Модное платье”. И подумала, что недурно было бы раздобыть средств на новую одежду.

Правда, когда девушка присмотрелась к жителям повнимательнее, поняла, что эта часть города ей нравилась гораздо меньше, другой. Тут, кроме хорошо одетых горожан, встречались нищие в лохмотьях и рабочие, ненамного опрятнее бродяг.

Они прибыли к дому иллюзиониста, двухэтажному особняку из крупного красного кирпича, с закруглёнными окнами второго этажа. На крыльцо дома вышла служанка Фалько, женщина средних лет, с пучком седых волос на голове.

– Моя экономка Эмма, почти святая, но весьма и весьма бойкая, – произнёс иллюзионист полусшёпотом, чтобы вышедшая их встречать женщина не услышала ни одного слова. – Будь добра не пялься на её руки, хотя бы не так открыто. Это весьма задевает.

Хельга едва заметно кивнула. Домоправительница, выражая радушие и гостеприимство, заговорила.

– Добрый вечер, Томас, – поздоровалась она и с лукавой улыбкой посмотрела на Хельгу. – Я вижу ты не сегодня один. – взгляд у экономки блеснул хитрецой.

Фалько усмехнулся, и лишь кивнул.

– Здравствуй Эмма, как твои суставы? Не мучили? Кстати, познакомься, Эмма, это наша гостья Хельга. Хельга, это Эмма, моя экономка, а также самый близкий друг.

– Ужин задержится, я не ожидала гостей, – захлопотала пожилая, но невероятно бойкая женщина.

Пока Эмма скрылась на кухне, Фалько или, как называла его экономка, Томас, показал девушке дом. Столовую, гостиную, её комнату и ванную на втором этаже, а также небольшую уютную библиотеку.

Наконец зазвучал колокольчик, приглашая хозяина и гостью к припозднившемуся ужину.

Скромная трапеза отличалась от «пира горой», к которому привыкла Хельга, но запах горячей еды и вкус стер все сомнения. Небольшие порции с лихвой компенсировались качеством и ароматом приготовленных блюд, а бокал вина под конец тяжёлого и насыщенного дня, подарил расслабление и сладкую негу в мышцах.

– Эмма, дорогая, постели мне в гостиной, по соседству с комнатой Хельги. Не хочу, чтобы наша гостья хоть в чём-то нуждалась.

Хельга и Эмма напряглись, бросив взгляд друг на друга. Хельге было неприятно такое внимание со стороны хозяина, Эмма же рассудила по-своему.

– Когда же ты, Том, остановишься? Я-то думала ты привёл в дом будущую хозяйку, а это очередная швабра из дома утех.

Сказать что хозяин опешил, это ничего не сказать, но ещё больше эмоций это вызвало у самой Хельги.

– Эмма, вы конечно достойная женщина, но вам не кажется, что вы немножко подохтели? Фалько, помог мне в сложной ситуации и все такое, но, если вдруг он вздумает постучать в мою комнату, в надежде получить “благодарность” за спасение, – она подняла нож из набора столового серебра. – Я вот этим самым ножом разрушу и его и ваши чаяния о продолжении рода. Я хирург уже с опытом операций и будьте уверены, кастрировать вашего господина сумею, а “бубенчики” преподнесу вам, как сувенир.

С этими словами Хельга встала, не забыв, впрочем, прихватить с собой нож и двинулась к лестнице. Уже начав подниматься на второй этаж, она повернулась и бросила экономке:

– Я бы могла и ваши срощенные пальцы прооперировать, что вам бы больше не пришлось стыдливо прятать свои ладони под длинными рукавами. А теперь, я сильно подумаю, прежде чем оказать вам помощь. Приятной ночи.

А дальше, Хельга направилась быстрым шагом в свою комнату, едва сдерживая себя, чтобы не перейти на бег. Подперев стулом дверь от непрошенных гостей, она завалилась на кровать и только теперь дала волю чувствам.

Плакала, как девочка, навзрыд, как уже давно себе не позволяла, обнимая пуховую подушку и пропитывая её слезами. Фалько подходил к двери, стучался, но она не отвечала. Никто не должен видеть её проявление слабости, тем более слышать расстроенный голос. Эту роскошь она не могла себе позволить, не могла быть слабой.

Так и уснула не раздевшись, в платье и обнимая когда-то белоснежную подушку.

Глава 2. Другая жизнь

Утром Хельга продрала глаза и потянулась. О, как давно не спала она на нормальной постели. Из земель Скив ехала почти неделю в неудобном и практически неблагоустроенном фургоне с ещё двумя женщинами под боком. Солнце, заглянувшее в окна просторной комнаты, осветило стены цвета топленого молока.

Хельга ещё раз потянулась, наслаждаясь чистым бельем и сорочкой, зевнула и обнаружила, что в комнате есть ещё одна дверь. Она поднялась и решила проверить куда вел этот выход. Мало ли, придётся бежать отсюда или спастись бегством от слишком “гостеприимного” хозяина. Томас так толком и не объяснил, что ему от неё требуется.

За дверью оказалась ванная комната и гардероб. Как давно не видела Хельга такого блага цивилизации. Она вспомнила, как мылась в реке в Ивовом долу в первый день своего появления в этом мире и как впервые познакомилась с парнем из Звериного полесья.

Нужно постараться отправить туда письмо. Ее наверняка ищут друзья.

“Надеюсь, здесь есть такое благо цивилизации, как почта. Должно же быть хоть что-нибудь подобное” – подумала она и решила потом расспросить об этом Тома.

Кстати, имя Том звучит гораздо лучше, чем псевдоним Фалько. Вот так она и будет теперь называть своего спасителя. Он ей не начальник, не хозяин, а лишь человек, заключивший с ней необычную сделку.

Из-за двери послышался надрывный звон колокольчика. Как догадалась Хельга, это был сигнал к завтраку. Она решила не спускаться в столовую. Лучше голодной останется, чем снова столкнется с нахальной домоправительницей Тома.

Через пятнадцать минут в дверь постучали, Хельга отодвинула стул и приоткрыла её на пару сантиметров. Это был Томас. Фокусник иронично улыбался ей.

– Не хочешь есть, не надо. Но тебе придется помириться с Эммой, – спокойно сказал он.

Хельга хотела возразить, но Том поднял руку, прерывая её:

– Я знаю, что Эмма была не права, но она пожилой человек, сделай хоть какую-то скидку на возраст. В любом случае, либо ты вечером находишь с ней общий язык, либо переезжаешь жить к остальной труппе. Эмма вырастила меня. Она гораздо дороже мне родной матери, и я не собираюсь из-за тебя портить с ней отношения.

– Шантаж значит. Я с шантажистами переговоров не веду. Сейчас соберу вещи и ты покажешь где я буду жить, – заворчала Хельга.

Фокусника, похоже, ответ Хельги никак не огорчил. Девушка вышла к нему в коридор.

– И работать, – поправил её иллюзионист.

– Что? – не совсем поняла ремарку Хельга.

– Работать! Напомню, что ты согласилась работать на меня, пока не исполнишь три условия нашего соглашения.

Хельга быстро надела на себя простое китежское платье. Томас ожидал её за дверью комнаты. Хельга вышла к нему и спросила:

– Так, что я должна буду делать?

– Ассистентка и, как я понял, ты неплохо разбираешься в алхимии, так что и ингредиенты для фокусов надеюсь освоишь. Леонард, мой прошлый алхимик, собрал неплохую библиотеку и солидный запас реагентов, так что наверняка для тебя это не будет слишком сложно.

Они поспешили спуститься по лестнице в гостиную, вышли на крыльцо сели в карету и отправились в путь, первая половина дороги в прошла в молчании. Хельга осматривала пригород и окрестности столицы через окошко. В свете дня город заиграл новыми красками, наполнился новыми запахами, звуками. Всюду по тротуарам, рядом с гостиницами и магазинами носились мальчишки в кепках с огромными сумками на плече, распространяли газеты по адре-

сатам или просто продавали их на ходу, громко выкрикивая последние новости. По отдельной дорожной полосе носились паромобили, с прекрасными блестящими формами. Звучали гудки клаксонов. А запахи: деготь, конский навоз, гарь от печей, свежий хлеб, духи прелестниц, проходивших мимо по тротуару с зонтиком. Пленительно пахло ванилью из кондитерской на углу. Через приоткрытые окна этот запах наполнил карету в которой ехала Хельга с Томом через приоткрытые окна и еще долго не желал пропадать, сопровождая их до самого конца улицы.

Иллюзионист погрузился в свои мысли и снова начал что-то царапать огрызком свинцового карандаша на желтоватых страницах своего блокнота.

Карета миновала мост, Хельга увидела круглое знакомое здание Театра иллюзий. Он стоял в центре города в двух шагах от набережной. Наверняка здесь земля стоила баснословных денег и то, что Томас смог построить такой внушительный зал, говорило о успешности его начинаний.

Они наконец прибыли на место. Хельга попыталась первой выскочить на улицу. Иллюзионист опередил её, вышел из кареты первым и протянул девушке руку. Но та, в свою очередь, сделала вид, что не заметила его джентльменского жеста.

Поняв, что Хельга не собирается брать его руку, Фалько усмехнулся и быстрым шагом, лавируя между толпами народа, направился к входу в театр.

Хельга последовала за ним, про себя ругаясь, на Томаса. Войдя через парадный вход и поднявшись по лестнице, Томас толкнул неприметную маленькую дверь, спрятанную в одной из ниш стены театра и прикрытую темными шторами. Если не знать, где находится вход в жилые помещения, по театру можно вечно блуждать в поисках этих дверей.

Они оказались рядом с зоопарком. В нос ударил не только запах животных, но и запах кухни, а слух наполнился гомоном людских голосов. Большой зал, по совместительству являвшийся и гостиной, и общей кухней, находился в конце коридора, а множество дверей слева и справа вдоль коридора, как догадалась девушка, являлись частными комнатками артистов и работников театра. Все это напомнило Хельге коммуналку, в которой ей приходилось жить с мамой в детстве.

Хельга всерьез огорчилась ухудшению жилищных условий, но показывать это Томасу, тем более идти на попятную ей не позволяла гордость. Посмотрев на свою кровать в одной из комнат этого “общежития” девушка снова вышла в коридор. Томас, просил ее не задерживаться и пройти с ним дальше.

Несколько минут ходьбы по извилистым коридорам, и иллюзионист привел Хельгу в довольно просторную, сферическую комнату, имевшую помимо входа еще четыре двери. Здесь витал стойкий запах химикатов, в одном из углов стояло целое нагромождение стеллажей с мензурками, баночками, инструментами и горшками, из которых торчали высохшие без полива растения. Книги здесь тоже имелись: ровные стеллажи стояли в отдельном помещении с плотно закрытой дверью, чтобы химические испарения не портили бумагу.

Как заметила Хельга, части посуды здесь не хватало. Некоторые склянки и мензурки были разбиты и аккуратно сложены в ящички на полу. А столы и двери украшены подпалинами и пятнами щелочи. Значит не такая уж и скучная у местных алхимиков работа. Это тебе не на парах по химии записывать формулы в тетрадь и наблюдаешь за сменой цвета в пробирках.

– Как-то неуютно тут. Твой предыдущий алхимик был ужасным неряхой! – произнесла девушка, расставляя химическую посуду под свой, женский вкус.

– Леонард был не просто алхимиком, он был творцом с пытливым умом и фантазией, ограниченной лишь законами этого мира и моими финансами.

– Так где он сейчас, если ты так тепло о нем отзываешься? – решила уколоть иллюзиониста девушка, обида на Томаса ещё не прошла.

– Я же говорю, он был творцом и испытателям и, кстати, ты сейчас стоишь на нём.

Том снял цилиндр и замолчал. А Хельга в свою очередь посмотрела под ноги и увидела, что стоит на огромном черном пятне, от которого в стороны отходит множество лучей, как от огромного взрыва.

– Ой! – отпрянула Хельга в сторону, на чистое место, и прикрыла рот рукой.

– Тебе стоило бы научиться держать язык за зубами, – тихо произнес иллюзионист. – Ты меньше суток находишься в Раудвилле, а уже успела поссориться с самым дорогим для меня человеком и оскорбить память по-другому.

Выслушав претензии Тома, Хельга опустила взгляд на стол и увидела на нем пергамент, потемневший, ломкий, с бахромой и подпалинами с одной стороны. На нем был записан рецепт некой субстанции под названием “Гелион”.

– Молодец, ты нашла один из реагентов для моего завтрашнего выступления. Его нужно три унции, а также: Рубедо, Нигредо и Эсенция Света. Хотя последнее наверное лучше купить, не хочу чтобы в лаборатории появилось еще одно пятно, – Томас вручил ей кошель с деньгами, – Сходи и купи все необходимое.

Девушка взяла деньги и задумалась. Да, она, пожалуй, купит все что необходимо для лаборатории. Да, вот незадача, Раудвилль совершенно незнакомый ей город. Ничего, как говорили в ее мире, язык до Киева доведет!

Выход из здания она нашла не сразу. Зачем вообще столько дверей и коридоров? Радовала Хельгу только хорошая погода, да и то, что она наконец соприкоснется с местной атмосферой полностью. Не каждый день удастся побывать в эпохе, напоминающей девятнадцатый век. Девушка вступила на тротуар из необычной плитки, которая светилась по вечерам.

– Уважаемый, – обратилась она к мальчишке с газетами. – Есть ли у вас тут магазины, э-э-э, где посуду продают, химическую: колбы, реторты, химические стаканы, а еще весы, спиртовки и реактивы.

– Химическую?

– Ну алхимическую, – вспомнила она, что находится не в том мире.

Мальчик вытаращил на нее глаза, но кажется понял, что она имела в виду. Да и приметил, то что она выходила из здания цирка.

– Реактивы нужны? Тут не далеко будет. Прямо, до конца квартала, там пройдете еще два и на лево. Увидите.

Так, с этим она кажется разобралась. Теперь дело за малым, обойти все указанные места и выбрать нужное оборудование. Раньше, когда ее звали Ольга и она была студенткой мединститута, учебная лаборатория была оборудована по последнему слову техники. Чашки петри, мензурки, змеевики, химические стаканы, центрифуга с пластиковыми пробирками. А тут иди, сама выбирай, что тебе надо.

Примерный перечень лабораторного оборудования все же сложился у неё в голове. Перед этим еще она прихватила свитки с рецептами, где были расписаны ингредиенты и способы их приготовления. Обнаружилось, что аптекарские весы никуда не годились, не хватало серы, каменного масла, селитры, медного купороса, камфоры и множества нужных мерных стаканов. Еще быгодились колбы, стаканы, небольшие пробирки. И найти бы еще что-то похожее на пипетки.

Хельга вдохнула полной грудью и ощутила едкий запах дегтя. А подняв голову увидела как над городом навис смог от дымящих заводских труб. Местные дамочки сразу обращали на неё внимания. Еще бы, не каждый день увидишь девушку с необычным цветом волос, в мешковатом скивском платье.

Как можно жить в этом смоге? Смог, всюду смог. Город, напоминал огромного курильщика.

В быстром темпе по улицам и закоулкам сновали люди и дворфы, бронзовокожие фаширазцы и эльфоподобные, с маленькими рожками, представители народа аслау. И еще сотни

людей, выделяющихся из толпы пестрыми одедами, цветом кожи и другими признаками выдававшими в них приезжих. Столица скивов, Китеж, со своими деревянными домами и башенками, по сравнению с серым Раудвиллем, застроенным строгими зданиями из красного кирпича, казалась цветущим садом, а не городом. Не зря те, кто был побогаче, предпочитали жить за его пределами, где воздух гораздо чище.

Хельга чувствовала себя в странном зоопарке, где собрали всех самых необычных зверей и обитателей мира. Да и вообще это был иной мир, совсем непохожий на самобытную землю скивов. Скорее, это был мир, похожий на тот, что описывал в своих книгах Жюль Верн. Единственным отличием было то, что кроме людей, он был населен еще огромным количеством не только других народов, но и существ.

Следуя за роскошным паромобилем цвета молока, с блестящими стеклами, девушка не заметила, как прошла мимо лавки с деревянной вывеской, на которой была изображена шестеренка, алхимическая реторта и пять кристаллов разного цвета.

Девушка толкнула дверь с зеленоватым стеклом, раздался немного оглушающий звук колокольчика. Бородатый хозяин выглянул из-за прилавка. Прилавок был невысоким, не более полутора метров, как и дворф-продавец.

– Мы ничего не покупаем, – с ходу оборвал Хельгу широкоплечий дворф, которому гораздо больше подошла бы горная кирка, нежели тонкие весы для взвешивания химических реактивов и кристаллов, заряженных магией.

– Я не продаю ничего, – осеклась девушка, смущенная таким напором хозяина лавки.

– И работниц не принимаем, – таким же не вежливым тоном проговорил дворф. Видимо соискатели места и уличные торговцы сильно досаждали его душевному спокойствию.

– Да уймись ты! – повысила голос девушка, оправдываться и переговариваться было не в ее в стиле.

Когда Хельга начала перечислять нужные ингредиенты, скептическое выражение лица дворфа сменилось на благодушное. А когда в ладошке девушки заманчиво блеснуло серебро, то на лице хозяина и вовсе просияла и улыбка.

“Дворфы любят серебро и золото не меньше драконов” – подумала девушка, когда до этого неповоротливый торговец, обрел прыть заводной юлы, начав собирать заказ, мечась от одного шкафчика к другому. Разыскивал нужные ингредиенты, иногда скрывался за дверцами шкафчиков полностью, бубня под нос картошкой наименования из заказа.

Снова раздался оглушающий звон колокольчика над дверью, уведомляя о появлении еще одного посетителя. В двери ввалился белоголовый человек. Вернее, поначалу Хельга приняла его за человека, но это был аслау. Высокий, смуглый, с аккуратными рожками, которые забавно выставлялись из-под густых прямых волос. Его глаза скрывали очки круглой формы с красными линзами.

– Милочка, позовите пожалуйста Герберта, думаю он предупредил вас о том, что я приду, – вежливо попросил он.

– Я не... – замерла девушка и потеряла дар речи. Если бы перед ней предстал юноша или модный франт, или самоуверенный качок, она без сомнения нашла что ответить, но этот господин не был похож не на одного из них. Да, пожалуй он умел носить пиджак.

Услышав знакомый голос, из подсобки высунулся второй алхимик, которого видимо звали Герберд. Хельга сразу заметила, что вид у него был весьма нездоровый. Алхимик кряхтел, потел, сводил колени и тащил с собой ящик, который держал на расстоянии от своего живота, как будто это был не ящик с товаром, а ящик Пандоры. Он встретил нового посетителя с распростертыми объятиями и улыбался, показывая золотые зубы.

– Гелиот, как давно не виделись, – радовался алхимик и совсем не благодушно поглядывал на девушку. – Эй, уважаемая, не загораживай прилавок. Заходи попозже. Выход вон там.

Нам с господином Гелиотом есть о чем поговорить. Вик, – оторвал он своего помощника от обслуживания Хельги, – Сделай господину Гелиоту чашечку чая.

Такая бестактность быстро привела Хельгу в чувства и помогла отойти от ступора и удивления.

– Я первая пришла и серебро у меня такое же, как у этого господина! – заупрямилась она. – И я тоже не могу ждать, моя помощь, как целителя, может понадобиться умирающему сейчас, пока ты, дворф, ставишь в приоритет свою выгоду. Я заметила, что и тебе не очень то хорошо: потеешь, нервничаешь, к животу не прикасаешься, даже когда тяжелый ящик тащишь. Думаю у тебя проблемы с...

Но дворф не позволил ей завершить свой монолог.

– Мои проблемы со здоровьем, вас, милочка, касаться не должны! – представитель подгорного племени кипел, словно котёл и раздувал от недовольства дыханием заплетенную бороду.

– Тебе мочиться больно? – Хельга словно не слышала его слов. – Одно из трех: либо у тебя камни в почках, либо простатит, что в твоём возрасте совсем не редкость, либо, дворф, ты любитель продажной, но заразной любви. Я точно могу исцелить тебя, но когда – всё зависит только вот от тебя, Герберт. Либо ты обслужишь меня сейчас, как и должно, либо переключишься на более состоятельного покупателя и тогда можешь не подходить ко мне: я соглашусь лечить тебя не раньше, чем через пару дней. Подожду, пока количество пролитых тобой слез будет больше, чем количество мочи, которую ты сможешь из себя выдавить.

Дворф засуетился живее и передумал выпроваживать девушку вон. Еще бы, желание избавиться от неприятной напасти перевесило, желание обслужить более богатого клиента.

– Прошу прощения, господин Гелиот, но мне нужно найти для этой леди все, что ей необходимо.

– Я принял ее за твою помощницу. Перед ней на прилавке стоит такой известный набор реактивов и инструментов. Раз уж она пришла первой, обслужи сначала её, – попросил однако, хамоватый, как до этого думала Хельга, некто с рожками и, посмеявшись, добавил. – А я уже хотел поздравить тебя, Герберт, со столь чудным выбором ассистентки и признаться огорчен, что ошибся.

Незнакомец, до этого казавшийся Хельге напыщенным, оказался гораздо лучше дворфа. Девушка решила, что от нее не убудет, если она расскажет немного о себе. Но этого будет достаточно, чтобы вырасти в глазах хамоватого алхимика и странного незнакомца.

– На данный момент я работаю на иллюзиониста Фалько и помогаю ему в создании новых фокусов, – сказала усмехнувшись она. – Сама же я специализируюсь в лекарстве.

Про то, что она училась на третьем курсе мединститута, девочка решила умолчать, зачем пытаться объяснять людям слова, которые они никогда не слышали. А лекарь, он и есть лекарь, это слово знают в любом уголке этого мира. Именно к лекарю идут, когда уже нет мочи, и больной понимает, что бабки с травами да выпариванием ног в конской моче вылечить не получится.

Наконец таинственный собеседник соизволил представиться:

– Гелиот Нейджи, конструктор-механик паромобилей одноименной марки.

Хельга задала следующий вопрос:

– Тогда, расскажите мне, как работают двигатели паромобилей? Сколько не смотрю на них, не могу понять, как они вообще могут передвигаться. Нет ни густого дыма от котлов, лишь не густой белый пар.

– А девушка разбирается в механике? – удивился Гелион.

– Немного, – почти не слукавила Хельга.

И в самом деле, знаний про двигатели, поршневые кольца и гидроусилители у неё было не больше, тех, что она получила из школьной программы по физике. Хельга решила, что этих

знаний достаточно, чтобы если не разобраться во всех тонкостях, но хотя бы позволить себе разговаривать об основах.

– В качестве топлива используете нефть... – девушка осеклась, потому что здесь это вещество называлось иначе. – каменное масло?

Гелион рассмеялся:

– Каменное масло используют в коттеджах для отопления и на больших производствах для переплавки металлов, закалки оружия. Все паромобили в качестве топлива используют магические кристаллы, в основном низкосортные мелкие огненные кристаллы, при соприкосновении с кристаллами, вода начинает закипать, выделяется пар, который и приводит в действие двигатель, – в упрощенной форме объяснил принцип действия паромобиля изобретатель.

Всё так просто? – вздохнула Хельга, чем вызвала удивление рыжебородого в алхимика из лавки и, судя по временному молчанию Гелиота, озадачила его.

Если для вас это кажется простым, то я с радостью бы продолжил нашу беседу. Как вы, леди, смотрите на то, чтобы продолжить разговор непосредственно на производстве? – предложил механик-изобретатель. – У меня тоже к вам возникло очень много вопросов. Ну? Ну как, согласны?

Странно, но Хельга сразу согласилась. Хотя, про себя отметила, что сейчас, снова пускается в какую-то авантюру. Из лавки она вышла вместе с изобретателем, неся с собой два бумажных пакета, в которых лежали реактивы, химическая стеклянная посуда и аптекарские весы. В этой лавке она приобрела не только все необходимые ингредиенты и оборудование, но и нового интересного знакомого.

* * *

Когда Храбра выпустили из Китежской темницы, он вернулся в гостиницу "Перегрызенный кнут" и узнал обо всем, что произошло без него. Он расспросил ведуна Пересмысла, бывшего гончара Лана. Ни тот ни другой ничего толком ему разъяснить не смогли.

– Хельга нашла себе не только друзей, но и врагов, влиятельных врагов, – сказал Пересмысл. – Помогая мальчику, она невольно вошла в интриги. Если бы в городе был воевода...

К ведунам принято относиться с почтением и уважением, но в этот момент в у Храбра вскипела кровь.

– Где вы были, когда все это произошло?

– Все сложилось так, что в этот момент с ней рядом никого не оказалось. Так распорядилась судьба, – Пересмысл говорил спокойно и размеренно, словно читал по слогам.

– Судьба!

– Судьба, Храбр, предназначение, – пытался успокоить его старик.

– Не верю. Просто в никому до этого дела нет.

– Я знаю, ты молод, а потому горяч и наверняка тебя утешат то, что каким-то чудом Хельге удалось уйти от купания в масле. А вот несколько старейшин, тщательно готовивших для неё в суровую кару, и сами попали в собственные сети. Носороги племени арчиба взбесились ни с того, ни с сего и влетели на площадь, сминая под собой народ и перевернули чан с варом. Четверых спасти увы не удалось. Слышал бы ты, как они просили о помощи, просили привезти Хозяйку мертвой воды, чтобы та спасла их бранные тела. Но Хельги уже не было, она растворилась в толпе, словно молодое вино в ключевой воде.

Лан тоже вставил свое слово. Он чувствовал вину перед товарищем. Они все сидели сейчас в уголке обеденного зала гостиницы и разговаривали вполголоса.

– На рынке, да и по всему городу ходят слухи, что Хозяйку мертвой воды, видели с иллюзионистом Фалько из Раудвилля. Думаю это правда, так, как за небольшую плату, мне удалось

разыскать несколько человек, которые оказались невольными свидетелями бегства Хельги. Дак вот, одна женщина, видела, как Хельга разговаривала в закоулке с человеком в плаще, вернее с фокусником, что выступал накануне на площади. Потом, они странным образом исчезли. Потом и весь балаган иллюзиониста в тот же день двинулся прочь из Китежа.

– Почему же стража ничего разузнать не смогла о Хельге? – подозрительно спросил Храбр гончара.

– Гм, кому хочется со стражей связываться, да и большинство простых жителей города, все же считает, что Хельгу обвинили несправедливо и потому помалкивали. Да и спрашивать надо уметь, – подмигнул Лан.

– А сейчас у властей совсем другие заботы, более серьезные, чем поимка какой-то там ведьмы, – добавил Пересмысл. – Грядет война.

– С чего вдруг?

– Да потише, а то услышит кто, – обеспокоился Лан таким сообщением. – Вроде ничего об этом нигде не слышно.

– Будет война, дети, я чувствую это, а кое-кто из власть имущих, возможно и знает, но до простого народа все доходит в последнюю голову, – не отступал ведун от своих слов. И Хозяйка мертвой воды, сыграет в этом не последнюю роль.

Послышался кашель хозяина таверны и гостиницы: то как раз пришел в зал и принялся собирать со столов пустые пивные кружки. Собеседники притихли.

Храбр был хмур, как грозовая туча. Сжимал кулаки и гневно посматривал на товарищей.

– Вот что, ты, Лан, останешься в Китеже с разбираться с торговлей и лавкой. У тебя смотрю не плохо это выходит. Сом сейчас занят службой, да и теперь, по долгу той же службы, должен Хельгу задержать, ежели что. Ты, Пересмысл, стар, для таких путешествий. А вот мне придется пойти искать Хельгу, но раз она так нужна детям леса... В общем, я в Аркрум пойду! – рассудил росомаха вслух.

– Не совсем я еще стар, молодой зверь, а вот за то, что ты принял правильное решение, горд тобой. Пусть помогут тебе предки и дух твоего деда Храбра.

Глава 3. Идеиные противники

Приняв с благодарностью приглашение механика-изобретателя, Хельга решила навестить его мастерскую чуть позже, а именно после того, как приведет свое нынешнее место работы в некоторый порядок и подготовит все необходимые реактивы для вечернего выступления Фалько.

Выбросив ящики с битым стеклом, вытерев с полок и стеллажей застарелую пыль, Хельга испробовала оборудование в действии. Взяла рецепты нужных реактивов и все смешала в соответствии с записями, взвесив все тщательно на новых аптекарских весах.

Через пару часов, все необходимые реактивы были готовы. Хельга составила все склянки и колбы с порошком на отдельный столик, тщательно подписав каждую. Все оказалось не так сложно, как казалось. И если правильно следовать рецептам, то со всей работой она могла справиться всего за пару часов.

Как только последний пузырек коснулся столешницы, на пороге лаборатории появился Томас.

“Черт, – подумала с досадой Хельга. – Этот иллюзионист словно следит за каждым моим шагом!”

– Я вижу, ты справилась с заданием, Хельга.

– Это не сложнее, чем суп приготовить, – ответила девушка работодателю.

– Вот как, похвально. Мой прежний алхимик, все изготавливал за более долгий срок. Я лично проверю качество реактивов. Сама понимаешь, от этого зависит зрелищность представления, – сообщил Фалько.

– Проверяй, – ничуть не смутилась новая хозяйка лаборатории. – Все смешано как надо. По химии и в школе и в институте у меня всегда были пятерки.

– По химии?

– Ну да, по вашему алхимии, – поправилась она.

Томас уселся на круглый стул, недалеко от стола с реактивами, снял цилиндр и теперь несколько нервно заламывал его края, хотя выражения его лица оставалось совершенно спокойным.

– Вот что, Хельга, – наконец сказал он и положил на тот же столик еще один кошелек с деньгами. – Раз у тебя осталось достаточно свободного времени, ты можешь потратить его по своему усмотрению. Например, купить приличное платье, в котором не стыдно будет пойти на именины к Императору в качестве ассистентки, сегодня в пять вечера.

– Хм, неожиданно, – удивилась девушка.

– Ничего удивительного, Император приглашает меня ко двору, на каждый значимый праздник. Ты, как я погляжу, умелая, привлекательная – то что нужно для ассистентки. Сегодня у Его Превосходительства именины. Только приведи себя в порядок. И докупи нужное для твоих опытов. Мне весьма интересна твоя работа, ты же не думаешь что я спас тебя из щедроты душевной и благородных побуждений.

Хельга взяла деньги и взвесила их на ладони.

– Надеюсь, ты не поскупился, Томас. Я собираюсь серьезно обновить свой гардероб, и оборудование на заказ стоит не дешево.

Иллюзионист улыбнулся и сделал вид, будто не услышал.

– Да и еще, я надеюсь, ты продолжишь свои опыты с водой, которые ты начала еще в землях скив, Хельга, и если на это тебе понадобятся деньги, обращайся.

Такая излишняя забота, Хельгу насторожила. Томас не похож был на мецената с бескорыстным сердцем. Всех остальных своих работников он держал в ежовых рукавицах и лишнего серебра на них не тратил. А тут, готов был предоставить ей все необходимые условия.

– Конечно, Томас, денежки очень кстати, – сказала она и, припрятав деньги, поторопила. – Мне нужно посетить еще пару мест.

На этот раз выход и театра Хельга нашла гораздо быстрее. У входа в театр топтался тот самый дворф Гербер из алхимической лавки. Он наблюдал за ней из-за угла, словно воришка. Вот только этого ей и не хватало!

– Мастер Герберд, – окликнула она дворфа. – Вы что то хотели?

– Мисс лекарь, вы обещали помочь с... Эмм... Моей оказией. – немного неуверенно напомнил он, пригладил рыжую бороду и огляделся по сторонам.

– Хм, Герберт, – призадумалась девушка и потом пригласила дворфа. – Хорошо, следуйте за мной. Меня зовут Хельга.

Они вернулись в лабораторию. Хельга закрыла за собой двери на запор.

– Раздевайтесь, – девушка сказала это спокойно. – Можете сюртук и котелок на стул положить.

Дворф взмок от такого предложения.

– Что? Вы что хотите увидеть?

– Штаны снимай, – настояла лекарша. – Я через штаны не вижу. Да не куксись, что я писюнов не видела. Что вы как институтка в обществе Ржевского и гусаров.

Дворф вряд ли понял, кто такие гусары и в частности Ржевский, но штаны спустил.

– Признавайтесь, господин алхимик, в дома терпимости заглядываете? Жене рога наставляли? – она посмотрела в пунцовое лицо дворфа.

– Она из клана Дорг'яль. Она дворф чистейших кровей! И вульгарщины типа аслау в ее предках нет! – Щеки дворфа продолжали краснеть, но теперь на смену стыду пришёл праведный гнев.

– Да я не совсем о рогах. Это выражение моего народа, означает изменить супругу или супруге. Сейчас глупо это скрывать, так что жду кристально честного ответа.

– Да пусть мое лицо сожрет проказа, если я хоть раз изменил.

– Понятно, – вздохнула Хельга. – Тогда говори, что и где болит?

Дворф указал на сильные боли в пояснице и паху, на плохое мочеиспускание. Иногда с кровью. В моче пациента Хельга заметила песок и диагноз ей сразу стал ясен: у дворфа мочекаменная болезнь.

– Вот что, мастер Герберт, я выпишу вам рецепт. В нем нужные травяные сборы. Это поможет на первое время, а для полного лечения, у меня нет нужных инструментов.

Дворф чуть не расплакался от счастья.

– Ты мне скажи каких инструментов, Герберт сам все сделает!

Хельгу сразу осенила идея. Можно попробовать попросить у дворфа изготовить для нее не только инструменты.

– Гм, тогда изготовьте, мастер мне не только инструменты для вашего излечения, но и то, что я вас попрошу. В качестве оплаты.

Дворф ничуть не смутился.

– Если нужно. Вот только вы бы мне, девушка, нарисовали, что да как. Жаль у вас нет чертежного стола, – попросил он.

Хельга освободила, ближайший стол, нашла в шкафу несколько больших листов старой бумаги. Валялся там, в самом углу шкафа и огрызок свинцового карандаша. Заточив как следует грифель, девушка принялась чертить.

Герберт, будучи ученым мужем, все схватывал на лету, и Хельга, дабы не выдать своего истинного замысла, добавила к деталям перегонного куба несколько лишних.

– Да и мне понадобится вот такой шприц, с загнутым и полым, как игла внутри наконечником, чуть тоньше, вот этого карандаша, – показало она на огрызок.

Герберт пытался несколько раз выспросить у неё, к чему все эти детали, но лекарша не стала с ним откровенничать.

– Шприц тебе мочевого пузыря промывать, а остальное для лаборатории иллюзиониста. Не стану же я раскрывать всех его секретов, – отмахнулась она, от его вопросов.

Дворф взял чертежи и с некоторым интересом посмотрел на неё. Впервые, он встречал такую странную женщину, особенно женщину-алхимика и лекаря.

Проводив своего пациента до выхода из театра, Хельга вспомнила, что обещала, да и сама очень хотела зайти на заводик Гелиота Нейжи. Дворф и здесь ей помог, проводил до двухэтажного локобаса, парового автобуса ходившего по рельсам, окутанного белым паром раскланялся у дверей и напомнил, на какой станции следует выходить.

Наконец-то Хельга по настоящему ощутила себя частью нового прогрессивного общества. Внутри локобаса оказалось душно, от работающего на пару двигателя. Сиденья для пассажиров были обтянуты дешевой тканью, какого-то землистого цвета. Под потолком располагались ярко-красные поручни. Салон локомобиля разделяла на две части громоздкая лестница, с железными решетчатыми ступенями.

Не добравшись до нужной станции, локобас сломался и Хельге пришлось выйти на незнакомой ей улице, мощеной красной плиткой и покрытой лужами.

В Раудвилле всегда стояла унылая погода. Серые облака густой пеленой заволокли небо над городом. Пики храмов утопали в этой серой мгле облаков. Дождя не было и это считалось хорошей погодой. Сейчас настало время обеда и с заводов к лавочкам и трактирчикам потянулись работяги, желающие перекусить. Из проходной моторно-парового заводика братьев Горвуд, находившегося в начале Сталелитейной улицы, хлынула толпа в серых рабочих робах. В основном дворфы и люди. Аслау редко трудились на заводах.

Хельга поймала пробежавшего мимо неё чумазого мальчишку и просила:

– Послушай, парень, как добраться до завода господина Нейджи?

– Садитесь на конку номер девять, госпожа, и поезжайте до Кирпичной площади, там спросите, – ответил он и глянул на ладонь девушки, видимо ожидая поощрения.

Хельга сунула ему желтоватый медяк и побежала в сторону остановки, на которой уже собралось приличное количество народа. Справа от неё громко зазвучал клаксон, послышалось пыхтение, словно в закрытой кастрюле кипела вода, и резкий оклик человека в желтом цилиндре:

– Смотри куда прешь! – прорычал водитель строгого черного паромобиля с витиеватым гербом на двери. – Раздавлю как вошь!

Из кабины автомобиля показалось надменное лицо с пышными рыжими бакенбардами. Похоже в этом паромобиле сейчас ехал какой-то важный тип и девушка с необычным цветом волос не могла не привлечь его внимания.

Хельга тоже хорошо успела рассмотреть этого напыщенного господина в сюртуке и с голубой лентой на плече.

“Пижон!” – подумала она и заприметив конный трамвайчик, прибавила шагу, и помчалась к остановке, перепрыгивая лужи с маслянистыми пятнами. Конка была практически пуста в это время. Днем рабочие трудились в цехах.

Хельга сунула медяк, дородной тетке и прошла в салон. На переднем сиденье сидела парочка юных аслау и чуть подальше несколько старушек, которые, как девушка поняла из разговора, ехали до лечебницы.

Если старики к ней никакого интереса не проявили, или, в силу своего возраста и мудрости, не стали в упор рассматривать чужестранку, то аслау без стеснения пялились на нее во все свои зеленые, словно чистейший малахит глаза. Рогатый, сереброволосый парнишка,

слишком откровенно гладил подружку по коленке, что, в даже в раудвилльском прогрессивном обществе, как поняла Хельга, считалось моветоном. От опытного взгляда будущего врача не ускользнула и та деталь, что зрачки у молодых людей были неестественно расширены.

Конка ровно и медленно шла по рельсам, ее тянули четыре бурых тяжеловоза, поэтому и билет на этот вид городского транспорта стоил дешевле. И этот транспорт явно пользовалась спросом у небогатых жителей Раудвилля. Те что позажиточнее предпочитали передвигаться на своих экипажах, паромобилях или двухэтажных локобазах.

Все это очень напомнило Хельге рабочий район, в котором она раньше жила с матерью, еще в той, другой жизни.

Конка замедлила ход, но совсем не остановилась.

– Выходить вам, мисс? – напомнила кондуктор и взглядом указала на высокий забор выложенный из красного обожженного кирпича и на заводскую проходную, которая находилась напротив остановки. – Вот он, завод-то паровых машин гражданина Нейджи. Ноги не переломайте, а то придется останавливать.

– Ну и дела, – проговорила Хельга, примеряясь спрыгнуть на ходу с железной ступеньки конки в открывшуюся дверь. – Сервис.

Парочка аслау, проводили её взглядом и закинули в рот по черному маслянистому кусочку.

Взобравшись по ступеням и войдя в тесноватое помещение заводской проходной, Хельга оказалась перед чисто-выбритым лицом высокого человека лет сорока в зеленой форме и фуражке, на широком поясе из обычной кожи висела дубинка вроде тех, которыми полисмены “угощали” местную шпану.

– Добрый день, – постаралась она как можно увереннее поздороваться. – Я к господину Гелиоту Нейджи.

Охранник с подозрением осмотрел девушку в странном платье и с розовыми волосами.

– Вы не ошиблись дверью, мэм? Это...

– Завод паровых машин господина Гелиоса Нэйджи, – подтвердила посетительница.

Второй охранник, совсем молодой, тот что сидел рядом со столом, на котором стоял телеграф, переспросил:

– Мэм, вам назначена встреча?

– Да, сэр Гелион сегодня лично пригласил меня на свой завод. Я лекарь, Хельга, так и представьте.

– Хорошо, мисс Хельга, ожидайте, – сказал молодой мужчина в фуражке и учтиво пригласив ее занять на свободный стул рядом с собой, начал быстро стучать по отполированный до зеркального блеска чёрной кнопке телеграфа, отправляя сообщение о прибытии визитера.

Хельга присела на стул и стала рассматривать паромобили, которые, похоже, въехали через ворота завода на его территорию ранее я и теперь виднелись за окнами проходной. Среди них, заприметила она и ту самую машину с гербом, на которой ехал господин с пышными бакенбардами имевший наглость наехать на неё. Правда Хельга и сама была отчасти виновата в том, что слишком много крутила головой, не смотрела на дорогу, но это уже совсем другая история.

“Гм, и этот здесь.”

Прошло еще несколько минут, прежде, чем телеграф охранника звякнул и из него стала выползать бумажная лента с ответом, на посланное им сообщение. Парень бегло прочитал его, снял фуражку, пригладил и так очень аккуратно убранные волосы и сообщил:

– Господин Найджи сейчас занят и велел сопровождать вас в комнату для переговоров. Прошу за мной.

Второй охранник, тот что постарше, делавший до этого серьезный вид и давивший своей брутальностью, тоже снял кепку и сменил выражение лица на более приветливое. Похоже, понял, что девушка не просто перепутала двери, а его начальник господин Гелион имел важный разговор к молодой особе. Кого попало в зал для переговоров не приглашают, ведь не для того там работают две весьма смазливые на лицо служанки. Единственная обязанность которых состояла в том, чтобы улыбаться гостям, принести горячий чай, либо горячительные напитки и вовремя подать свежую газету на серебряном подносе.

Хельга увидев преобразование охранника постарше, про себя отметила; мальчишки, что с них взять, даже разменяв пятый десяток, хорохорятся и стараются выглядеть более мужественными.

Гостью проводили через проходную, до здания с большими окнами, где наверняка и находился та самая комната для переговоров и кабинет хозяина.

Внутри здание было оформлено под сдержанную роскошь. Сомневаться не приходилось, каждый элемент внутреннего убранства стоил дорого. Простой работяга, каких на заводе трудилось если не тысячи, то уж точно сотни, не мог позволить себе такого.

Стены административного корпуса были обшиты дубовыми панелями. Коридоры и комнаты освещались газовыми рожками, которые мерцали желтым неярким светом, и его вполне хватало для чтения газеты или ведения деловой беседы. Дорогая кожаная мебель в самой комнате, как в элитном закрытом клубе для состоятельных господ. Две красивые служанки, которые, скорее всего отбирались для работы не только по способностям, но и по внешним данным, одетые в черные тщательно выглаженные платья с белыми фартуками и с такими же белыми косынками на головах, лишь подтверждали это ощущение.

Эти длинноногие красотищи наверняка гордились своей работой и, чего уж скрывать, наверняка в тайге желали найти среди посетителей господина Нейджи хорошую партию для себя. Наивные дурочки, верящие в интерпретацию сказки “Золушка”, которая, разумеется, есть и в этом мире.

Другим девушкам, которым повезло не так как им, наверняка приходится по двенадцать часов вкалывать на ткацких фабриках, или же мыть горшки в домах богатых господ, получая при этом гораздо меньше, чем эти служаночки господина Гелиота, в обязанности которых входило лишь следить за тем, чтобы бокалы посетителей хозяина не были пустыми.

В глазах прелестниц читалось недоумение и даже какая-то зависть: мол, что какая-то чужестранка, притом одетая как крестьянка, забыла здесь, среди этой роскоши. Однако, дежурная улыбка и вежливость к даже к этой странной гостье не покидала их.

Хельга взяла с подноса у одной из местных “работниц офиса” фарфоровый бокал с чаем и свежую газету, от которой и еще пахло типографской краской. На первом листе стояла сегодняшняя дата.

Благо, сложностей с прочтением текста, она не ощутила. Буквы были набраны символами непохожими ни на кириллицу, ни на латиницу. Скорее что-то среднее между рунами и арабской вязью. Но это не мешало Хельге предаться беглому чтению. Неведомо как, и неведомо почему, но она легко понимала язык всех известных здесь народов: орочье гортанное наречие, насыщенный гласными О и А, язык родов Скив, а вот теперь и звонкий на слух язык королевства Аркрум.

Анонс.

На празднике гости познакомятся самодвижущимися изобретениями великих магов.

В следующую субботу на центральном городском поле пройдет юбилейная 5-я гонка самодвигающихся карет. Строгое и непредвзятое жюри будет оценить скоростные характеристики и изящество творений гениальных магов создавших машину, которая движется без участия

человека. За небольшую и символическую плату любой желающий сможет почувствовать себя великой особой и прокатиться рядом с опытным погонщиком стального монстра. Для особо искушенных гостей мероприятия приготовлен сюрприз: одержавший победу в 10 викторинах и в 84 конкурсах сможет лично попробовать себя в роли погонщика.

Изминкой дня станет соревнование машины и лошади. Сладкие лакомства и легкие алкогольные напитки ждут любителей активного и пассивного отдыха. Красивое шествие лесных нимф в национальных костюмах не оставит мужскую половину равнодушными. Для прекрасной половины человечества уготована специальная программа, неутомимый любовник Мануал покажет свое мастерство восточного массажа и поможет всем желающим весело провести время. Не останутся без внимания и юные гости, для них уготованы веселые скачки на тюках и многое другое. Памятные подарки и хорошее настроение сделает этот день незабываемым. Приходите, показывайте глашатому и охране это творение и получите возможность задать свой вопрос зарубежному гостю – экстрасенсу Хебарезабу.

Давеча завершились боевые испытания нового изобретения именитого инженера Аркрума мистера Митральеза¹. Успешно показав себя, военная машина с третьего залпа поразила более пятисот вражеских солдат, что позволило армии Короны захватить ущелье в степях Мельхиор. Создатель сего чуда именовал свое изобретение по своей фамилии и теперь оружейная мануфактура Митральез будет поставлять в армию Его Величества митральезы, уж простите за каламбур.

Хельга ощутила жжение от чужого взгляда на спине и оторвалась от газеты. У входа в комнату переговоров стояли Гелиот Нейджи и тот самый знатный тип из дорогого паромобиля с пышными рыжими бакенбардами. Его лысина блестела в свете газовых рожков, словно натертая воском. Пол в коридорах корпуса был застлан коврами с длинным ворсом и Хельга совсем не заметила их шагов.

Незнакомец надменно черкнул по силуэту Хельги равнодушным взглядом и с вопрошающе посмотрел на Гелиота. Хельга тоже не осталась в долгу – глянула с холодом январской колючей стужи.

– Дружище, не думал, что твоя прислуга умеет читать. В любом случае, разве это повод допускать подобное поведение, – сдержанно и надменно проговорил спутник Гелиота.

– Август, похоже залпы новых пушек отбили у тебя чувство такта? Разве можно так разговаривать в присутствии леди, тем более, что она, является моей гостьей.

Повисла неловкая пауза. Август и Гелиот Нейджи не моргая смотрели друг на друга. Господин с рыжими бакенбардами осознавал свою ошибку, но тем не менее не желал признавать собственную неправоту.

– Манерам я обучен, в отличие от некоторых. Не зря на моем паромобиле родовой герб, а не закорючка, будто нацарапанная рукой беспризорника на заборе приходской школы.

(Тут, наш дорогой читатель, стоит заметить, что все дети по закону Короны были обязаны пройти минимальное обучение грамоте, без возможности отказаться. И учились. Но дети из бедных семей заканчивали обучение, как только могли хотя бы написать собственное имя, заменяющее подпись. Дальнейшие знания и отметки уже выставлялись не отметками в табель, а шрамами от розг на спине.)

---

¹ Митральеза (картечица) – скорострельное, многоствольное артиллерийское орудие изобретенное инженерами Аркрума.

Хельга почувствовала себя частью интерьера, который беззаботно обсуждали оба джентльмена. Сказать что это ей не понравилось – ничего не сказать! Девушка решительно встала, поправила подол платья и волосы.

– Я не мешаю вам? – произнесла она с укоризной, адресовав эту колкость, Августу. – Нас не представили, но я слышала ваше имя.

Гелиот хотел было что-то сказать, открыл рот. Но гостья опередила его, обратившись к нему и сбив с мысли.

– Гелиот, можете не трудиться. Мне абсолютно не интересен этот индивид. Его имени, которое я случайно слышала, более чем достаточно. А свое мнение о нем я уже составила. Именитый гость, с чрезмерным усилием хлопнул по плечу господина Нейджи засмеялся. Звонко, заразительно, так, что этот смех эхом прокатился по залу, заставив вздрогнуть настороживших уши в поисках сплетен служанок.

– Теперь вижу, вы, мэм, я ошибся, посчитав вас прислугой, – его улыбчивое лицо внезапно сделалось серьезным. – И тем не менее, что привело сюда молодую девушку из дикого леса в столицу империи в тот момент, когда наши государства находятся на пороге войны? – в качестве иллюстрации к своим словам, он указал рукоятью трости на необычный скивский наряд девушки.

– Война?! – Хельга опешила от внезапной новости.

Офицер осекся. Девушка догадалась, что Август корит себя, за то что ненароком сказал лишнего.

– Оставим эти сплетни, – он поднял ладони в примеряющем жесте и вновь улыбнулся, видимо желая перевести разговор в менее опасное для себя русло. – Чем вы занимаетесь, юная леди? Кстати, Гелиот, безосновательно упрекнувший меня, виконта и офицера Короны Её Величества, в отсутствии хороших манер, так и не удосужился представить Вас.

Ах да... – Нейджи, увлекшись словесной перепалкой, не сразу осознал, что речь сейчас идет о его персоне.

Но девушка не дала ему времени, чтобы прийти в себя и представилась самолично:

– Хельга Асклепий Склифосовская фон Кащенко, – на ходу сообразила она. – Это краткая форма, или господа желают услышать полное родовое имя?

Игра пошла на грани фола, но представляться просто Ольгой, или Хельгой Сидоровой, она сочла менее уместным, чем соврать. На ходу подставив после своего имени – имена столпов медицины, которые пришли на ум первыми.

“А что? Хельга Асклепий Склифосовская фон Кащенко,” – девушка мысленно попробовала с интонацией произнести своё новое имя и улыбнулась. – “Звучит!”

– Нет, не стоит себя утруждать, – на лице обоих джентльменов, отразилась гамма ярких эмоций. Если Гелиот выглядел удивлённо-осторожным, то его спутник Август был также удивлён, но с налетом подозрения и настороженности.

– Чем молодая девушка занимается? – настороженность на лице Августа вошла в свои полные права, полностью вытеснив минутную слабость замешательства.

– Я доктор, – сказала девушка, но поняв, что вряд ли господин из другого мира знает медицинские термины пояснила: – Лекарь, врачеватель. Выберите самостоятельно что вам более близко.

Август сдержанно кивнул, усмехнулся и начал на палец накручивать огненно рыжие бакенбарды.

– Зубы заговаривать и или травками лечите? – осведомился теперь уже и не скрываю своего ликования, наверняка к подобному целительству граничащим с шарлатанством он относился как и сама Хельга с подозрением и пренебрежением.

– Увы шарлатанством я не занимаюсь, я хирург, – произнесла девушка, отметив, что и такое слово для офицера в новинку.

Еще бы, он высокородный, образованный и добившийся многого, боевой офицер, который небезосновательно смотрит с равнодушием и даже презрением на простой люд, сейчас обескуражен своей безоружностью в чужих для себя терминах.

– Хирург это что? Позвольте сказать, даже звучит неприлично, – Август вопреки мнению Хельги, держал слово за двоих.

Хозяин завода же помалкивал и смотрел на их словесную дуэль, словно на матч по теннису.

– Те, кто лечат людей не пустыми заговорами на неизвестных языках, а острым ножом вырезают хворь, – произнесла девушка на манер говора земель Скив к собственному удивлению заметив то, что и на языке Аркрума это звучит весьма патетично.

– Значит кровь пускаете, как личный доктор королевы-регента, или же вы ближе к заплочных дел мастеру, что не только рубит головы и намыливать пеньковые галстуки, но и вправляет суставы?

Девушка вздохнула и выдохнула, показывая как и утомила ее неосведомленность собеседника. Он должен был это понять, чтобы спесь порядком поубавилось. Да на его место придет гнев, злость или даже обида, лучше так, чем смотреть на его надменный взгляд из которого сочилось осознание собственного превосходства над окружающими.

Наконец она продолжила:

– Многие болезни людей нельзя вылечить простым кровопусканием. Да, это поможет при высоком артериальном давлении, но отнюдь не панацея. Более того, некоторые болезни после такой потери крови могут стать приговором для ослабшего от болезни и инфекции организма. Вывихами занимаются хирурги-травматологи, это относительно простая область медицины, так что я не удивлена, что в перерывах между пытками и наваливаем пеньковых галстуков, ваши палачи подрабатывают вправкой суставов.

Хельга продолжала давить интеллектом, стараясь вставлять в собственный спич как можно больше медицинских терминов. Они словно невидимый, но тяжелый груз – ложились на самомнение офицера, спуская его раздутое эго с небес на землю.

– Если вы настолько искусны в деле врачевания, то ответьте, почему вы одеты как выходец из беднейших кварталов Аркрума? Что, спасение жизни близких так плохо оплачивается у дикарей населяющих северные леса? Хотя, признаться, даже если вы согласитесь и скажете, что мои догадки верны – я мало удивлюсь. Они необучаемы, они животные, они бесполезны и даже вредны. Как, впрочем, и девять десятых челяди, – сказал джентльмен с бакенбардами.

– Я прибыла в Аркрум по личному приглашению господина Фалько. Сменить наряды по местной моде ещё не успела. Вашему обществу есть много чего почерпнуть у, как вы выразились, дикарей. В землях Скив смотрят не на внешнюю обложку книги, а судят по содержанию. Так и с людьми, как вы выразились, эти дикари не смотрят на дорогие одёжки, чины и побрякушки, но судят о человеке по его деяниям. Так что в этих, как вы выразились, простых нищенских по меркам королевства одеждах в Китеже я не чувствовала себя неуютно.

На Августа было жалко смотреть. Его словно облили помоями, и сейчас это словесная грязь будто стекала по его лицу, заставляя гореть щеки, как от самой слабой пощечины. Наконец в разговор решил вмешаться Гелиот. Он хорошо знал своего спутника и не менее хорошо знал его нрав, а по всему, решил сгладить образовавшейся острый угол в беседе звонким смехом, пожалуй слишком нарочитым и наигранным для такой щекотливой ситуации.

– Август, друг мой, я вижу ты удивлён? Не ожидал найти в лице девушки столь серьезного собеседника? Она моя гостья, прибыла сюда не с частным визитом, а по делу, – он говорил спокойно и, не дожидаясь ответа, обратился уже к Хельге. – А вы, уважаемая Хельга, что думаете про идеи, которые активно насаждает виконт Август Крайтон.

Он нарочито подчеркнул титул, желая намекнуть девушке родовитое происхождение, намереваясь оградить от резких выражений в адрес именитого и влиятельного слуги Короны.

Хельга призадумалась, но секунда раздумий нужна была ей не для того, чтобы едко и колко, как это могут только женщины, унижить своего визави. Сейчас она размышляла над аргументами, которые можно привести против человека с ненавистнической антисоциальной идеей и родовитого джентльмена.

– Извините, офицер, я не разбираюсь в табелях о рангах Короны, но вижу на вашей груди много медалей и наверняка они получены не за выслугу лет, но за ратные дела, – Хельга заметила, что Август подобрался и приосанился, такие слова нравились ему, хоть он и пытался скрыть эмоции. – Моём мир... – хотела было произнести девушка, но успела вовремя поправиться, – ...в моей стране тоже были войны, и не одна, смею даже предположить что они были гораздо более кровопролитные, чем все войны вашего континента. Так вот, у нас тоже прославляют великих полководцев и командиров. Даже в маленькой деревеньке есть памятник простым солдатам, что не щадя живота своего встали на защиту родной земли. И знаете, господин офицер, у нас принято считать что войны выигрывают простые солдаты, а не только их командиры. Подумайте над этой мыслью.

Последние слова Хельга произнесла с придыханием и сейчас молчала.

– Глубокая мысль, – уже задумчиво произнес Гелиот.

Уж от него, от человека мирной стези, она не ожидала отклика, да и признать ее слова были адресованы именно Августу.

– Простые селяне, не державшие в руках ничего сложнее вила, по-вашему вносят не меньший вклад в победу, нежели те, кто с пелёнок держит в руках меч воина или же посох мага? Да, ваши слова очень понравятся челяди, но их овечье нутро – всегда останется овечьим. Разве грязь под ногтями внесет больший вклад в величие Короны, нежели верный меч полководца и предводителя? Сильно сомневаюсь!

– Да талантливый полководец, или же искусный воин, ведущий за собой авангард многого стоит, но не забывайте, что победы куются сообща. Много ли навоюет воин или маг с пустым брюхом, без добротного меча выкованного теми, как вы выразились, у кого грязь под ногтями? На войне какие первые действия должен совершить грамотный командир? – девушка и сама ответила на поставленный вопрос. – Отрезать снабжение и коммуникации врага! Без еды, запасов оружия и грамотных донесений от командира – даже великое войско падёт. Подумайте о том, что труд крестьянина, растившего хлеб, или же кузнеца, клепающего вашу броню, может быть, равноценен в вашему.

У офицера было что ответить девушке. Наверняка будь перед ней мужчина, Август бы вызвал его на дуэль: столь велико было различие в их идеях. И посему, джентльмен ограничился лишь словесной перепалкой. Вот только ее не последовало, уже начавшего было открывать рот виконта прервал гулкий взрыв, настолько сильный, что деревянные панели на стенах задрожали, а по коридору, из которого появились два господина, густым белым пологом повалил пар, расстилаясь поверх дорожных ковров.

* * *

Лан и Пересмысл вернулись в Звериное полесье. Как только лодка ткнулась носом в песчаный берег Звениящей, к ним на встречу с криками “деда”, бросилась веснушчатая Аришка. Девочка ждала гостинцев и новых историй и она получила их сполна.

Пересмысл достал из дорожной сумки моток красивой ткани, кулек с китежскими пряниками. Девочка схватила гостинцы и тут же спросила:

– Деда, а где остальные?

Пересмысл тяжело вздохнул и рассказал кратко куда делись их товарищи. Услышав его рассказ, находившиеся неподалеку жители стали подтягиваться к нему ближе.

– Это что же выходит, остались мы теперь без целителя, – огорчилась молодая женщина с ребенком на руках.

Таких вопросов Пересмысл и боялся больше всего. Кто теперь станет спасать их от болезней.

На гончара односельчане смотрели с удивлением. Куда делся тот заморашка, вечно перемазанный в глине?

Лан и в самом деле преобразился. Теперь явился перед народом в ладной одежде, хороших сапогах, даже походка изменилась. Селяне то и дело спрашивали, как у него дела и чем он теперь занимается. Лан отвечал, что теперь вряд ли вернется к горшечному ремеслу. Только если ради забавы.

Не заходя к себе домой, он сразу направился в дом старосты Звериного полесья. Тот чуя вести и возвращение долга принял его. Лан застал его в минуту дневного отдыха. Староста сидел в саду в гамаке, натянутом между яблонь и плел корзину из лозы и прислушивался к стрекотанию цикад. Лицо у него в этот момент было безмятежным, от того казалось глуповатым. Одет он был в старую, но любимую домашнюю рубашу в заплатах. Кто же будет в сад хорошую рубашку одевать. Увидев Лана, он по обыкновению напустил важности.

– Добрый день, Зоран Горыныч, – поздоровался гончар с каким-то ехидством. – Как деревня? Как пасека?

– Ты мне, мальчишка, зубы то не заговаривай, – оборвал его на полуслове староста и стал сверлить взглядом. – Собираешься ли долг отдавать?

– Я по-человечьи, – укорил бывший гончар старосту и отвязал от пояса увесистую кошель. – Уговор, есть уговор.

Зоран отложил лозу. Взял у него мешочек с звонкой монетой, подбросил в мозолистой ладони, затем заглянул внутрь. Кошель оказался полон серебра.

– Лада Красна! Серебро! Как есть серебро! – запричитал староста от переизбытка чувств и осенил себя святым кругом. Лан ухмыльнулся.

– Долг выплачен, Зоран Горыныч, – скорее утвердил нежели удостоверился Лан. Серебро в кармане сильно прибавило ему уверенности и самооценки.

Зоран позвал жену и велел поставить медовухи дорогому, в прямом смысле этих слов, гостю. Лан от угощения отказался, но сделал лишь глоток чтобы уважить хозяев. Иначе после такого гостя у хозяйки тесто не поднимется и у коровы молоко скиснет. Утерев скудную поросль на верхней губе, огорошил старосту и рассказом того, что произошло с ним и с Хельгой в Китеже.

Когда Лан вернулся в свой дом, он показался необжитой и убогой собачьей конурой. Каково же было удивление вездесущего старосты, когда он увидел, что буквально на следующий день своего прибытия, гончар вдруг созвал мастеровых из окрестных сёл и вместе с ними стал разламывать на дрова старый сарай.

Старую мастерскую ровно как и дровник оставшийся от сгоревшей бани быстро снесли. И на её месте теперь копали погреб и закладывали каменный фундамент чего то большего. Слух о том что мастеровые руки хорошо оплачиваются привел на стройку немало мужиков. Работали они слаженно и без промедления. Мужики дивились страной задумке гончара, не всегда понимали что ему нужно. Гончар ходил между ними, объяснял, сверял все тщательно с чертежами. Работа спорилась не всегда просто, но все же выходило так, как задумал хозяин.

Староста Зоран чуя в этом неладное стоял на крыльце терема и за всем наблюдал. Несколько раз подсылал младшего внука, узнать что у соседа делается. Мальчишка бегал среди мужиков, все выспрашивал, иногда высматривал да и лазил куда не следует. Потом деду сказал, что гончар строит винокурню. Мужикам, которые нанялись, платит по золотому в день, а

те и рады стараться. В дом старосты просители являлись все реже. На пасеке у него работать никто не хотел.

Даже сторож и тот ушел к Лану, присматривать за досками. Ведь гончар платил не продуктами или брагой, но полновесным золотом, а иногда и серебром. И за советом народ все чаще шел к бывшему гончару. Даже сварливая старуха Лика, что прежде считала Горыныча непререкаемым авторитетом, тайком огородами пошла к этому грязнуле, у которого до сих пор грязь под ногтями не обсохла.

Недовольство и зависть самого родовитого в деревне росوماхи росло. Росло не по дням, не по часам, а буквально по минутам. Прибывали иногда из соседний поселений люди что занедужив, искали Хельгу. И когда староста, говорил, что целительница больше не живет тут, отсылал их к Пересмыслу.

А винокурня у гончара строилась, росла, расширялась. Выкопали и под ней погреб, чтобы брагу и настойки хранить. Братья кузнецы Карп и Панил сладили чудной меднобокий и пузатый аппарат.

Да казалось всё и все теперь крутилось вокруг этого треклятого тощего парня поймавшего жар птицу за хвост. Все ему спешили помогать, все к нему работать шли.

– Ты посмотри, как развернулся! – трепались бабы длинные на язык. – А был-то заморашка – заморашкой.

К осени хотел староста приобрести десяток бочек под мед. Бондарь развел руками, мол теперь он не на вольных хлебах, а в найме у Лана. И платит он сразу вперед, а не как староста – позже, после продажи меда. Хотел глава деревни пожалится старому знакомому Пересмыслу.

Отправился с утра в Липовый дол, да того не оказалось дома.

– Дедуся ушёл за травками, – сообщила Ариша, которая подметала в землянке ведуна Пересмысла. – Деда знает какие травы целебные нужны. И девки ему помогать пошли.

– Зачем ему столько травок? – удивился Зоран Горыныч.

– Для настоек, что дядька Лан делает. Я бы пошла и ходила не раз, только деда не велит. Дома просил прибрать да щей сварить.

Вернулся Зоран Горыныч домой. Сел на крыльце у дома и теперь думал о том, что настают в их Зверином полесье новые времена.

Глава 4. С корабля на бал

Все трое бросились бежать по коридору. Густой пар размягчил влагой ковры и покрыл капельками картины, которыми были украшены стены. Запотели стекла газовых рожков отчего те еще больше рассеивали свет. Впереди всех мчался Гелиот Нейджи, жилистый, быстрый и ловкий, как лесной кот. Кто еще кроме него, мог так хорошо знать завод? Это его владение, его обитель, его детище. Август отстал от него всего на пару шагов. Хельга едва поспевала за мужчинами, боясь запнуться о влажные ковры. Девушка была ростом ниже своих провожатых и не могла делать такие широкие шаги, старалась не терять своих знакомых из виду и не отставать от них ни на шаг.

Интуиция подсказывала ей – нельзя сидеть в гостевом зале сложа руки. Коридор петлял, словно лабиринт, намокший ворс ковров, которыми он был заслан, сминался под подошвами обуви, бугрился вырастая в препятствия и мешал быстрому прохождению пути. Закончился коридор просторным ангаром, высотой никак не меньше десятка метров, в котором находились механические станки, металлические авторамы, полусобранные автомобили, прочие агрегаты и запчасти.

Густой, удушающий туман обволок и это помещение. Лицо Хельги покрылось теплой испариной, розовые волосы взмокли и повисли сосульками.

В Помещении где произошел взрыв, царил беспорядок. По вымощенному металлической плиткой полу растекалась горячая вода, подбираясь к кускам искореженного взрывом металла.

Большинство работяг, которые находились сейчас в цеху, отделались всего-навсего легким испугом. Растерянно собрались вокруг места происшествия и не зная, что же им теперь делать. Чтобы осознать что произошло – требовалось время. Позже, те кто посмелее стали пытаться помогать пострадавшим, живо оттаскивать их подальше от растекающейся по полу ангара горячей воды.

Чтобы определить самых тяжелых, не требовалось особого образования и знаний. В одном из темных углов ангара раздался протяжный стон. Хельга, не спрашивая у кого-либо разрешения, рванула на помощь, им оказался молодой паренёк лет пятнадцати, в бедре которого, почти у самого паха, торчал кусок окровавленного металла. Так, срочно наложить жгут, иначе парень просто истечет кровью насмерть. Остальные раненые могли немного и подождать. В такие моменты главное расставить приоритеты и определить по очередность своих действий. Правильно рассчитать время на глаз, определить кому и насколько срочно требуется помощь. Пригодился опыт работы в бригаде скорой помощи.

У парня была задета бедренная артерия и это очень плохо. Штаны паренька быстро пропитались кровью, от шока он впал в беспамятство.

Хельга осмотрелась: больше таких опасных ранений не наблюдалось – несколько неглубоких осколочных ранений, царапин и ожогов.

В самый ответственный момент к ней приблизился виконт.

– Брось мальчишку и помоги сэру Оливеру Хиллу! – приказным тоном сказал ей Август Крайтон. Он указал на знатного господина, который сейчас сидел на железной плитке рядом с целительницей.

Хельга осмотрелась, чтобы понять о ком идет речь. Синяя военная форма мужчины была настолько грязной, что он почти не отличался от тех работяг, которые сейчас суеились вокруг. Вот только лицо этого господина было чистым и хорошо выбритым, причёска сохранила форму, несмотря на высокую влажность, так как волосы этот франт покрыл большим количеством фиксатора для волос. На его руке не хватало нескольких пальцев. Он был бледен от пережитого шока и боли. Но даже в этой сложной ситуации он старался сохранять достоинство и не паниковать, но самостоятельно оказывать себе кое какую первую помощь, прижи-

мая поврежденную руку, туго перематывал запястье оторванным от нижней мужской сорочки рукавом.

– Перебинтовать его можешь и сам, – Хельга не заметила как перешла с вежливого “вы” на “ты”. Это произошло не нарочно, просто не было времени на расшаркивание и перечисление титулов.

– Он рыцарь Короны ее Величества! – возмутился Август мечась, не зная, что делать: то ли помочь своему адъютанту, то ли броситься к Хельге, с упреками, которая уже отрывала низ подола своего платья, желая наложить жгут на ногу паренька.

Её руки действовали практически на автомате. В мыслях царило спокойствие и умиротворение. Сейчас Хельга не волновалась – знала что ей нужно делать дальше, в её действиях прослеживалась четкость слаженность. Главное не вытаскивать из раны кусок металла, иначе парень истечет кровью меньше чем за минуту.

Мальчик начал приходить в себя и хрипло застонал, потянувшись руками к поврежденной ноге.

Как раз этого Хельга и боялась! Перехватила его руки, не давая дотронуться к окровавленному металлу в ноге, дабы не сдвинуть его и не сделать еще хуже. Парень, похоже, не чувствовал боли, находясь в шоковом состоянии и не соображал, что делал. Не понимал, что находится в одном шаге от объятий с костлявой.

– Гелиот, носилки, быстро! – властно прокричала целительница изобретателю, который уже возился рядом с одним из своих, легко раненых мастеров, помогал ему подняться на ноги и осматривал его лёгкие повреждения. Наверняка тот был дорог ему как друг, или же,), как хороший специалист, что более вероятно.

Пар постепенно оседал влагой на полу и стенах ангара, при этом видимость становилась лучше. Отойдя от шока, рабочие завода начали подтаскивать к лекарю и остальных раненых. Их было немного, всего трое человек. Хельга поняла, что за этих пациентов ей пока сильно тревожиться не стоит – легкие повреждения, возможно контузия – в общем ничего страшного, да и лекарь их уже осматривает.

Дала несколько словесных указаний, тем кто не пострадал, что следует сделать, чтобы им помочь. А сама все ещё занималась парнишкой. За него действительно стоило переживать. Светловолосый, смуглый от ввевшейся в кожу копоты мальчик смотрел с испугом прямо в ее глаза.

Она скрутила лоскут, оторванный от подола, чтобы придать ему большей упругости и перетянула повыше бедра. Чья-то сильная рука схватила её за плечо. Девушка обернулась и увидела перекошенное от злобы лицо виконта Августа.

– Нет, целительница, сначала ты поможешь моему адъютанту, сэру Оливеру, – его настойчивый тон не терпел возражений.

– Уйди! – зло процедила Хельга сквозь зубы и вновь крикнула Нейджи. – Гелиот! Носилки и быстро!

Кровь просочилась сквозь наложенный жгут.

Хозяин завода был глух к словам девушки. Август схватил ее за шиворот и потянул в сторону своего адъютанта. Тот хоть и терпел боль стиснув зубы, но по его щекам текли слезы.

Обращаться с ней, словно с написавшей на дорогой ковёр собачонкой – нет такое Хельга стерпеть никак не могла! Приготовленный для стягивания жгута громоздкий ключ со свистом рассек воздух и ударил заносчивого виконта под колено, заставив его упасть на оба колена и поклониться от удара ей в ноги. Сделав одно резкое движение, девушка оказалась рядом с лицом высокородного господина и занесла тяжёлый инструмент над его головой.

– Никогда не трогай меня! И никогда не лезь под руку, – произнесла она с холодной яростью и силой в голосе. – Иначе...

Что именно “иначе” Хельга, однако не договорила. Полуползком вернулась к своему пациенту, ловко продела под жгутом рукоятку металлического ключа, а затем начала поворачивать его, ещё больше затягивая повязку. Мальчик громко закричал. Хельга положила ладони на его вздымающуюся грудь, пытаясь успокоить агонию и боль.

Она заметила, как замерли все, кто стоял рядом, притихли и те, кто стонал от боли – впервые наблюдали удивительную метаморфозу: волосы целительницы изменили цвет и теперь из розовых стали лиловыми как цветки редчайшего лотоса.

Виконт Август Крайн так и не мог оправиться от удара, валялся на грязном полу, держась за ушибленную ногу.

– Гелиот, мать твою, носилки, быстро! – прокричала целительница, вскакивая на ноги. Всё что она могла сделать не отходя от больного – она сделала. Теперь нужно найти подходящий стол. Но от чего-то никто сильно не суетился, с желанием ей помочь.

Заметив всеобщее замешательство, Хельга уверенным и твердым шагом подошла к господину Нейджи, схватила его за руки, словно уличный забияка, тряхнула, желая выдернуть из прострации.

– Мальчик может умереть, ты это понимаешь?! – Хельга поняла, что сейчас от хозяина завода мало что добьётся, властно указала на парочку стоявших поблизости мужчин и на распахнутую деревянную дверь, которая вела в один из коридоров завода. – Снимите дверь и несите сюда. Нужно перетащить мальчика на стол.

Как ни странно, но работяги повиновались властным ноткам в речах Хельги и принялись снимать дверь с петель. Их манипуляции будто сняли морок с остальных рабочих, и теперь дверь к лежавшему на металлической плитке паренюку уже несли четверо человек.

Аккуратно, чтобы не потревожить глубоко засевший осколок, работяги переложили мальчика на плоскую и плотную поверхность двери и понесли следом за целительницей к большому верстаку. Сегодня Хельга решила использовать его вместо операционного стола. Схватила лежавший на нём короткий сапожный нож и рассекла засаленный комбинезон парня.

Сзади раздался громкий мужской голос. Хельга обернулась, не сразу поняв кому он принадлежал. Позади неё стоял Гелиот Нейджи и Август Крайтон. Голос, окликнувший её принадлежал мастеру-изобретателю:

– Хельга ты подняла руку на виконта Августа Крайтона, рыцаря ее Величества и майора армии.

Хельга старалась не отвлекаться, но заметила, что Гелиот смотрит сейчас на высокородного господина, но не на неё.

– Гелиот, сейчас не время мериться ни писюнами, ни званиями. Мне нужны горячая вода, чистая ткань, вино самое крепкое что найдешь, острый нож, а лучше бритва и нитки с кривой иглой, наподобие тех которыми шьют кожевники, – она сосредоточено перечисляла всё необходимо, не желая упустить ничего важного, что могло бы ей понадобиться.

– Но... – запротестовал было Гелиот. В разговор вмешался Август.

– Дружище, ты же слышал, мальчик может умереть. Постарайся достать все необходимое, а я пока сам помогу твоей гостье.

Гелиот заворочено кивнул. Его седые как у всех аслау волосы, кажется, стали и вовсе бесцветными, смуглая кожа наоборот почернела ещё больше от напряжения. Через мгновение Нейджи уже не было в цехе. Он давно скрылся в пустующем дверном проёме.

Наконец, стянув из-под стонавшего мальчика изрезанные коротким ножом штаны и оставив его полностью голым, Хельга повернулась к виконту. Она не собиралась оправдываться за свое нападение на высокородного господина. Не собиралась она и извиняться. Указала на руки, которыми мальчик все еще тянулся к очень опасной ране.

– Потом поговорим, хорошо? Сейчас держи его. Он не должен вынуть железку из ноги, иначе меньше чем за минуту он истечёт кровью, тогда его смерть будет полностью и на твоей совести. А я пока найду тех, кто будет мне ассистировать.

Однако, это оказалось проще сказать, чем осуществить. Люди чурались молодой целительницы, стоило им только поймать на себе ее взгляд. Легко раненые и вообще, старались отойти как можно подальше. Только одного из работяг Хельга совсем не испугала. Этот работник в своих руках держал не что иное, как фотокамеру. Лицо у него было в саже, взгляд заинтересованный. Стрижка короткая, волосы торчали ёжиком, за чуть укороченным кончиком уха спрятан свинцовый карандаш.

– Ты! – Хельга пальцем указала на этого странного рабочего, глядящего на неё сквозь линзу фотоаппарата, и народ стоящий возле него отпрянул в стороны, как от прокаженного. – Будешь помогать мне!

Незадачливый папарацци хотел смыться, но было уже поздно он наткнулся на вставших позади него людей. Через несколько мгновений камера из его рук была вырвана, а сам он за шиворот подтащен к девушке-лекаря.

– Я не... – заупрямился было пойманный с поличным папарацци, а девушка его оборвала, положив свой палец на его губы испачканные в крови.

– Ты не рабочий, ведь так? Сажей измазано только лицо, однако руки чистые, да и монокль у работяги вряд ли найдется, – Хельга за цепочку вытянула круглое стеклышко в медной оправе, пристёгнутое к отвороту воротника. Дальнейшее она произнесла уже шепотом. – Репортер, ведь так? Выбирай, либо ты помогаешь мне, либо я отдам тебя на растерзание толпе. Им будет интересно потолковать со стервятником, прилетевшим на запах крови и чужой боли.

Репортер покрутил головой и глянул на толпу, которая ожидала дальнейших действий. Он слотнул, а затем едва заметно кивнул, соглашаясь с условиями целительницы. Получив безмолвный ответ, девушка твердо зашагала к столу, и репортер засеменил следом за ней. Август Крайтон и папарацци встретились взглядами. По циничному оскалу офицера, девушка поняла, что они старые знакомцы, но никак не друзья.

– Майкл Магпай! Все собираешь грязь для своей газетенки? Видимо тайная канцелярия мало постаралась, укоротив тебе всего одно ухо, – произнес Август сквозь зубы. Нехорошо так произнес, угрожающим тоном. Веко у Майкла слегка дрогнуло.

Впрочем, репортер никак не отреагировал на слова виконта, а вот Хельга обратила внимание на ухо бульварного писаки, на котором не доставало верхушки ушной раковины, и которое он тщетно пытался скрыть под кепкой, что носили все работяги на заводе.

Пострадавший мальчишка снова дёрнулся и потянулся к железке, которая торчала из его бедра. Август не дал ему этого сделать.

– Майкл, ведь так? Теперь ты держи ему руки, чтобы не случилось, он не должен не прикасаться и тем более вытаскивать железо в ногу, понял? – тон лекаря перешел из наставительно-просящего в приказной. Но так требовала ситуация и Хельга ничего не могла с этим поделать.

Репортёр кивнул, мол всё понял. Мальчику в данный момент она ничем не могла помочь. По крайней мере пока у неё не появятся необходимые инструменты и материалы для предстоящей операции.

– Август, – теперь она переключилась на виконта. – Где ваш там самый важный сэр? – и не дожидаясь ответа, или кивка, сама рванула к мужчине, который сидел, облокотившись на колесо большой паромшины.

Цвет кожи у него приобрёл бледно-серый оттенок, но не от потери крови. Взрослый мужчина испытывал испуг, граничащий с ужасом, сжимал кисть руки, на которой не доставало трех пальцев. Глаза его были закрыты, рядом на металлической плитке расплзлось пятно из непереваренного завтрака высокородного господина.

– Протяните руку, мне нужно осмотреть и обработать раны, – произнесла целительница, но пациент никак не отреагировал, продолжая сидеть с закрытыми глазами, и что-то бубнить себе под нос. Кажется, это была молитва.

– Что, Август, опять мы вернулись к нашему разговору – что есть грязь из людей и те, кто является честью и совестью государства? Так по-вашему выглядит честь и совесть Аркрума, которую нужно было спасать в первую очередь? Дрожит как серая мышь, ой он еще и нагадил. Девушка кивнула на мокрое галифе офицера.

Тому кажется было всё равно, что сейчас говорили о нём, может, был просто в шоке и не слышал слов целительницы. Девушка с силой перехватила раненую руку сэра Оливера. Тот потянул было её назад и даже приоткрыл глаза, но Хельга освежила его рассудок хлесткой пощечиной, желая привести в чувства.

– Не мешай мне, я стараюсь помочь! – произнесла она, показывая серьёзным тоном, что её терпение весьма небезгранично. – Не мешай мне делать свою работу! Будешь упираться и через три дня лишишься кисти руки, через неделю заработаешь заражение крови – тогда в твоём замке заиграет музыка, но ты уже не услышишь её.

Что именно отрезвляюще подействовало на высокородного сэра и рыцаря Короны Её Величества, осталось загадкой. Может быть пощёчина, или тяжёлый взгляд целительницы, а может слова о том, что костлявая назначила ему свидание – в любом случае, он протянул дрожащую искалеченную руку и тихо заплакал, пряча лицо в локтевой сгиб мундира.

При осмотре раны всё оказалось просто и ясно. Осколком сэру Оливеру оторвало две фаланги на безымянном и среднем пальце, еще одну фалангу на указательном. Срез получился в аккурат по суставу. Хельга выдохнула. Удалять осколки костей и отрезать поврежденные фаланги не придется. Создать культю, обработать и сшить – вот и все что нужно сделать. Но это потом, когда у неё будет крепкое вино, кривая игла и нити.

В этот момент, расталкивая собравшихся, в сборочный цех влетел Гелиот. Он был не один, за ним бежали еще четыре мужчины в черных одеяниях и четыре женщины. Зашить культю сэра Оливера Хельга доверила одной из женщин, которая являлась прототипом сестры милосердия из заводского медпункта. Не особо пострадавшие с легкими ранами решили убраться сами восвояси, либо же делали это с помощью друзей.

Хельга вырвала из рук Гелиота саквояж. Раскрыла его на столе с такой силой, что жалобно закрипели петли замка. Внутри саквояжа оказалось всё что и просила девушка. Хотя нет – нити были хлопчатобумажные. Сейчас не время привередничать.

Ситуация не терпела промедления. Кожа мальчика, липкая от холодного пота, уже начала сереть и это не предвещало ничего хорошего.

– Вы двое, – Хельга обратилась к Гелиоту и Майклу – Держите его крепко. Господин Август, мне нужна ваша помощь, надеюсь, вы не падаете в обморок от вида крови?

Мальчик затрепыхался, когда сильные и здоровые мужчины буквально распыли его на верстаке, определённым юной целительницей, как хирургический стол. Нужен был наркоз. Только откуда здесь наркоз?

Вместе с саквояжем ей принесли еще одну вещь – киянку. Да, пережиток средневековья, но все же за неимением других средств. Теперь оставалось только применить. Хельга закусила губу, не решаясь сделать то, о чём только читала.

Неуверенным движением девушка протянула руку к рукоятке деревянного молотка. Нет, сама она просто не сможет ударить паренька, который и так одной ногой в могиле.

Напрягая мышцы руки, чтобы подавить бьющую её мелкую дрожь, девушка протянула киянку для рихтовки металла офицеру стоящему рядом. Негодование на его лице на секунду сменилась непониманием. И тут девушка сообразила, что острые иглы сарказма, которые она вонзила в самолюбие высокородного господина и офицера ее Величества, сейчас могут уколоть ее саму.

– У меня при себе нет анестезии. Офицер, могу я попросить вас сделать то, что лучше всего получается у воина? – “Так, хорошо. Главное не переборщить с лестью,” – мысленно проговорила Хельга.

После их не самого лучшего знакомства и дальнейшего натянутого общения, неприкрытая лесть смотрелась бы фальшиво. Сейчас она как бы и не льстит, а подчеркивает профессиональные умения виконта.

– Что уже? – Август Крайтон не выражал никаких эмоций, но тем не менее не отказал, а поинтересовался что от него требуется. Этот высокородный господин хоть и считает простых людей ничемностью, однако может он и не совсем безнадежен.

– Нужен один, аккуратный, но выверенный удар по голове мальчика. Так, чтобы он потерял сознание. У вас это получится? Важно, чтобы вы не угробили его чрезмерным усилием, – девушка так волновалась, что уже буквально вложила в обветренные, но ухоженные руки Августа деревянный молоток.

Август Крайтон сжал ручку молотка, кажется даже строевым шагом, немного прихрамывая, подошёл к изголовью импровизированного операционного стола. Было видно – он тоже волнуется, однако выдержки ему хватило, чтобы держать свои эмоции и переживания в узде.

В цехе находилось более десятка человек, но теперь воцарилась такая тишина, что Хельга услышала биение своего собственного сердца.

Август незаметно кивнул, то ли испрашивая разрешения, то ли давая знак, что он готов. Целительница собралась духом и кивнула в ответ.

Один резкий, без сильного замаха, удар деревянным молотком по голове мальчика, и его дрожащие веки сомкнулись, расслабились скрывая покрасневшие белки глаз. На секунду Хельга ощутила страх, ей даже показалось, что офицер перестарался и успокоил раненого паренька навсегда. Но быстро нащупала слабый пульс, и загнала крамольные мысли подальше. Анестезия по методу доктора Пирогова действовала, девушка убедилась в этом легко кольнув мальчика в живот, чтобы проверить рефлекс.

Теперь всё зависит только от неё, мальчик выберется, он не может не выжить, и Хельга должна помочь ему как до этого помогла, Боровику из Зверинного полесья, гноме Хедвиге и сыну старосты Китежа Святозару. Переведя взгляд на Августа и стоящих рядом с ним Гелиота и Магпайя, девушка заставила себя улыбнуться и кивнула, давая понять, что все нормально, и офицер не обидел ребенка, как говорилось в одной из присказок в ее мире.

Стянув волосы на затылке в тугий пучок, девушка перевязала их широкой атласной лентой, затем, окунула руки в медный таз с горячей водой. Оторвала большой кусок от принесенного кем-то полотна и замочила в воде.

– Август, у вас хорошо получилось, вы истинный офицер, – “Так, ещё немного лести. С ней как с солью перебарщивать нельзя,” – но на этом помощь которую вы можете оказать Короне не заканчивается. Вы согласны помогать дальше?

– Вы подменяете понятия, юная леди. Как помощь вам связана со службой Его Величеству? – Август негромко озвучил свой вопрос. Хороший такой вопрос, да и к тому же не вовремя.

– Разве этот мальчик не является таким же подданным Короны, как и вы? Если он умрёт, разве Корона не потеряет в его лице гражданина который трудится на благо империи? А если он умрет, то у него не будет детей, которые тоже могли бы послужить на благо Отечества, – всё по методике “кнута и пряника”. Лесть была “пряником”, а вот “кнут” высокородный господин выпросил сам, решив затеять спор у операционного стола. – Так что, не придирайтесь, виконт. Да, соглашусь, что наши с вами политические взгляды разнятся и такая вещь, как простой человеческий гуманизм вам претит, но давайте отложим нашу полемику на время, когда жизни мальчика ничто не будет угрожать. Если вам что-то не нравится, будьте добры не мешайте и покиньте операционную.

Августу видимо не часто приходилось слышать такие резкие слова в свой адрес. Он поджал губы и не теряя самообладания, впрочем как и гордости, бросил деревянный молоток на пол и едва ли не чеканя шаг устремился к дверному проему в котором отсутствовала дверь. Хельга выдохнула, одной проблемой меньше. Её резкие слова наверняка аукнутся ей в ближайшем будущем, но сейчас это решительно ничего не значило.

– Гелиот, – целительница обратилась к потерявшему дар речи изобретателю. – Будьте добры, возьмите ваш ремень и встаньте у изголовья стола.

У аслау смуглая кожа, но у Гелиота она вдруг стала светлее, кажется, он побелел от волнения. Его руки дрожали, пытаясь справиться с пряжкой ремня. Как только пряжка расстегнулась, Хельга схватилась за массивную серебряную бляху и с силой потянула на себя, желая сократить драгоценное время, которое Гелиот без сомнения потратил бы на то, чтобы освободить предмет своего гардероба. Ловко перекинула ремень через шею бедного мальчика и показала Гелиоту как нужно держать концы.

Затем, растормошила, кажется впавшего в ступор журналиста. Майкл Магпай был настолько увлечен происходящим, что не сразу понял, чего от него желает молодая целительница. Девушка вложила грязную потную ладошку паренька в белоснежно-белые ухоженные руки бульварного писака и приказала считать пульс, предупредив, что если сила пульса и его темп будут меняться, озвучить этот факт.

Хельга боялась, что если мальчик очнется во время операции, то просто не выдержит болевого шока и посему надо перестраховаться. Если мальчик начнет просыпаться, Гелиоту придётся натянуть ремень на его шее, придушивая на некоторое время. Долго это продолжаться не могло, но должно было хватить, чтобы закончить операцию, или же еще раз ударить мальчика по голове киянкой.

Сколько девушка подсознательно не оттягивала момент когда ей придется взять в руки скальпель, но он все же настал. Правда вместо хирургического скальпеля была опасная бритва, которой щеголи правят бакенбарды и усы, но это неважно, главное инструмент был острым и стерилизован в крепком вине, по запаху больше напоминавшем плохо очищенный спирт.

Хельга осторожно обработала рану возле осколка. Стерла остатки липкого пота и грязи. Немного ослабила жгут, чтобы восстановить кровообращение в перетянутой жгутом ноге. Провела ревизию инструментов и перевязочного материала.

Оперировать в кирпичном ангаре, насквозь пропитанным тяжелыми запахами керосина, человеческого пота и прогорклого дешевого табака – конечно не лучшее решение, но иного варианта не было. По крайней мере, здесь не хлев, в котором каждый квадратный миллиметр поверхности хранит в себе букет из инфекций вирусов и бактерий, а ещё есть клопы, клещи и прочая мерзость.

Перетянув ногу у паха пациента еще сильнее, Хельга сделала глубокий вдох и потянула на себя рванный кусок острого металла. Краем глаза девушка заметила, как побелели лица Гелиота Нейджи и Майкла Магпая, но к их счастью они не свалились в обморок и не бросили порученное им дело. А вот мастер, которому Гелиот просил оказать помощь в первую очередь, и теперь стоял возле своего начальника, ахнул и присел на пятую точку. Может быть, это от потери крови. Сейчас для девушки это было неважно.

Кровь сочилась из раны мальчика, и девушка без стеснения выматерилась, рассекла острой неудобной бритвой мышцу, задев несколько вен. Знаний было достаточно, главная проблема в отсутствии опыта и получать его, открывая свое персональное “кладбище врача” не хотелось.

Вынув иглу с вдетой нитью из крепкого вина, девушка принялась сшивать рассеченные венки и сосуды. Затем, выжала мокрую от вина тряпицу, и уже ей промокнула кожу вокруг раны, затем снова выжала на пол, несколько не беспокоясь о том, что подол ее пусть недорогого, но красивого платья впитывает красные брызги.

Главное скорость. Нельзя дать мальчику истечь кровью или, очнувшись, увидеть свою распоротую ногу с белеющей в ране костью. Теперь девушка взялась за самое сложное. Артерия не рассечена – лишь проколота острым концом железки. Основной удар на себя приняла бедренная кость, в которую вонзился кусок металла. Хельга мысленно поблагодарила за это Бога. Аккуратно, словно штопая крыло бабочки, крест на крест зашила прокол в пару миллиметров.

Вроде бы получилось. Что она, студентка третьего курса, могла знать о том, как правильно штопать сосуды. Такие вещи хорошо знали микрохирурги с многолетним стажем, а ей оставалось только молиться о том, что она сделала всё правильно.

Снова обработав рану и проверив не осталось ли в ней ничего лишнего – осколков костей, ворсинок или металла девушка начала быстро, но осторожно ушивать мышцы. Когда последний стежок на коже парнишки был сделан, Хельга отложила иглу и обильно протерла крепким вином грубый шов.

Она полностью потеряла счет времени. сколько длилась операция? Час, два, а может и все четыре. Но, слава Богу, если такой в этом мире имелся, мальчик очнулся не во время операции.

Умом она конечно понимала, что сделала все что могла и умела, в силу своих скудных навыков и знаний, но почему-то легче на душе от этого не становилось. Её переполняла усталость и переживания за этого мальчишку.

Целительница шумно выдохнула, села на принесенный кем-то стул и закрыла лицо перепачканное в крови ладонями, пытаясь взять себя в руки.

– Теперь мальчику нужен покой. Пить много не давать, можно пососать мокрую тряпицу, но не более. У него вообще есть родственники? – произнесла она ни к кому конкретно не обращаясь, скорее вспоминая инструкцию, услышанную когда-то давно, когда она была еще простой студенткой.

Из толпы рабочих выдвинулся высокий худощавый мужчина с шикарными каштановыми усами.

– Есть. Я его дядя, вон дед. У Макса большая семья, целительница, – эти двое пришли в ангар позже остальных и сразу направились к столу, где лежал их родственник.

– Хорошо, мальчику нужен присмотр и покой. Если будет просить покушать – это отличный сигнал, но всего по чуть-чуть. У вас есть кто-то из врачей или травников? На антибиотики конечно не рассчитываю, но вот промыть рану отваром ромашки вполне уместно. Я буду заглядывать к нему каждый день, чтобы менять повязку, но сидеть возле него долго не смогу.

– Он выживет? – спросил дядя мальчика, взглянув на зашитую рану на ноге племянника.

– Всё что могла, я сделала. Если у мальчика не будет осложнений, то возможно через год он и не вспомнит о своём увечье. Но пока давайте не будем загадывать наперед и обнадеживать себя пустыми чаяниями, а просто будем надеяться, что всё будет хорошо.

Последние слова целительницы повлияли на собранного до этого момента мужчину. Нет, он не закричал, не заплакал, даже в лице не переменялся, однако теперь позволил себе такую слабость, как скупые мужские слезы.

– Спасибо, Хельга, – первые неожиданные за сегодняшний день слова благодарности сейчас звучали из уст Гелиота.

Нейджи наконец пришёл в себя и старался поддержать её словами. В его голове за сегодняшний день точно прибавилось седых волос если, конечно, можно рассмотреть седину в белых волосах аслау, так же как и у молоденькой целительницы.

– Тебе тоже спасибо, – усмехнулась Хельга. – Не от меня, а от Августа. Если бы не ты, я бы точно прибила этого виконта во-о-он тем разводным ключом, – девушка указала пальцем на массивный железный инструмент, которым ударила офицера Ее Величества, а затем использовала в качестве рычага, чтобы затянуть жгут на ноге мальчика.

– Вообще-то, это рожковый ключ на полтора дюйма, – так же устало усмехнулся Гелиот.

– Да какая разница, но рога бы я ему им пообломала, если бы не ты. Вот скажи, как можно быть таким моральным уродом? – увидев часы на золотой цепочке розоволосая девушка на секунду задумалась, а после быстро, почти скороговоркой спросила. – Который сейчас час?

Гелиот почесав свои небольшие рожки, как и у всех аслау, усмехнулся; возможно выражение “обломать рога” он воспринял вразумду:

– Начало четвертого. Извините, Хельга, наше знакомство вышло не таким как хотелось бы, думаю я могу рассчитывать на ваш повторный визит. Тогда мы с вами сможем и пообщаться, и я искренне благодарю вас за сегодняшнюю помощь. А сейчас, вы правы, уже слишком много времени. Да и у меня порядочно дел.

– Гелиот, лучше скажите не закрыты ли магазины, где можно приобрести вечерний туалет. Там в этом... Я приглашена на прием во дворец, но не могу же я появиться вот так.

Неджи в задумчивости почесал подбородок.

– Думаю вряд ли.

Хельга схватилась за голову грязными от крови руками.

– Мне пиздец! – редко бывали случаи, когда из уст её вырывались маты, но сейчас был именно такой. – Тогда подскажите адрес плохого ритуального агентства. Похоже, теперь мне понадобятся его услуги, а именно гроб.

– Но, вы не шутите? Вас и в самом деле пригласили на празднование именин молодого императора? – он посмотрел на неё удивленно из под красных линз очков, сдвинув их на переносице.

Хельга немного смутилась и осмотрела себя. Да, ну и видок! Её не пустят не то чтобы во дворец, а к его воротам на несколько метров. Она вся перепачкана в саже, крови, да и подол платья разорван.

– Если бы, – ей вдруг стало неловко за свой внешний вид. – Я туда отправляюсь лишь в качестве ассистентки знаменитого иллюзиониста Фалько. Только теперь я вряд ли успею. Из-за этой аварии я так и не купила себе новое платье, да и вообще посмотрите на меня, разве я могу в таком виде явиться перед светлые очи Его Величества.

Неджи просветлел лицом, если это применимо к темнокожему аслау. Нет, он действительно весь светился от радости:

– Вот видите, кажется мне сейчас представилась возможность отплатить вам за добро – добром. Не переживайте, Хельга, сейчас мы с вами отправимся в место где нарядов наверняка больше чем в иных магазинах на Розовой аллее, а именно, ко мне домой. Бог не одарил меня сыновьями, зато щедро отплатил, даровав семь прелестных дочерей и красавицу жену. Так сложилось, что все они великие модницы Аркрума. Девочки не сведущи в механике как их отец, но поверьте, они решат проблему с отсутствием наряда на балл раньше, чем часы пробьют пять вечера.

Хельга поняла, сейчас отказываться от помощи ей было и глупо и неуместно. Она последовала за Неджи. Они вышли из корпуса, направились на стоянку паромобилей. Там их ожидал парозкипаж с инициалами изобретателя завода Гелиота Неджи. Машина была бордового цвета, с широким длинным капотом, с щегольскими закрывками и откидной крышей кабины.

Пожилый шофер в картузе с лакированным козырьком уже разогрел двигатель паромобилия, поздоровался с хозяином, вышел из кабины открыл перед юной леди двери, приглашая сесть на заднее сиденье машины. Салон был настолько мягким, что Хельга буквально утонула в нём. Мастер и изобретатель сел рядом.

Машина рванула с места, с такой прытью что пассажиры ещё больше вжались в мягкие сидения паромобилия. Во время поездки Между Гелиотом и Хельгой завязался разговор.

– Я вижу вы прекрасно знаете свое дело, господин Неджи. У вас удивительные машины. По правде говоря, я не очень-то разбираюсь в паромобилиях, но ваши творения приводят меня

в восхищение, – девушка и не думала льстить, творение механика её действительно поражали, хотя она видела всего лишь несколько машин на стоянке и в ангаре.

Нейджи свел брови и немного прокашлялся.

– Увы, они не так совершенны, как кажется. Вся эта авария – это неудачная попытка испытать более совершенный двигатель, такой, чтобы он занимал гораздо меньше места под капотом машины и обладал большей мощностью.

Они быстро домчались до дома мастера и владельца фабрики. Он находился почти на окраине Раудвилля. Обычно люди, которые были побогаче, жили за городом или снимали виллы в удалении от гари и копоти города, но семья Нейджи предпочитала исключительно городскую жизнь. Так глава семейства мог быстро добираться по утрам на свою работу и на свой любимый завод.

Городская усадьба мастера-механика была не сильно большой: двухэтажный домик с милым фасадом, украшенный колоннами и имеющий широкое крыльцо с ажурной металлической оградой из чугуна, окрашенной в чёрный цвет.

Разглядывать убранство особняка Нейджи, не было уже никаких сил – Хельгу до сих пор била нервная дрожь после проведения операции. Да и времени в обрез. Напольные часы в небольшой, но уютной гостиной дома Нейджи угрожающе тикали, напоминая о приближении того часа, когда она должна была присутствовать на представлении своего работодателя Фалько. В гостиной, среди небольших обитых дорогой тканью диванов их встретила женщина, не молодая брюнетка, небольшого роста с жгучим взглядом карих глаз и аристократическими чертами лица. Это оказалась супруга изобретателя. Совсем не аслау, как думала Хельга, а именно человек. Её звали София. Четыре старшие дочери Гелиота сейчас учились в пансионе и дома оказались лишь три младшие девочки. Три из них имели смуглую кожу отца и карие, как у матери, глаза. А вот младшенькая напротив белокожая, но с алыми глазами, как у отца аслау.

У старшей Элизы был урок фортепиано, средняя Беатрис была наказана и проводила сейчас третий час за рукоделием, так что Хельге удалось познакомиться лишь с младшей дочерью Гелиота – Анной. Маленькая семилетняя феечка откровенно мешала Софии и Хельге, сыпала вопросами и вертелась под ногами как юла. Но никто и не думал пресекать любознательные порывы маленького бесенка в розовом платье.

Имя София, которое обозначало “мудрость”, эта женщина носила не зря. Она оказалась весьма проницательной женщиной. Не стала засыпать мужа вопросами с глупыми подозрениями на счёт юной особы, которую он привел в дом: именно этого Хельга опасалась больше всего. Проводила целительницу в душевую комнату, а пока девушка совершала омовения, подготовила несколько вариантов вечернего туалета из гардероба старших дочерей.

К середине пятого часа, Хельга, одетая по последней моде, словно знатная леди, в сопровождении Гелиота и его прекрасной супруги, усаживалась в паромобиль. И прежде чем часы на воротах при въезде в королевский дворец пробили начало нового часа, все трое подъезжали к стоянке.

От предвкушения у Хельги перехватило дыхание. Она чувствовала себя Золушкой, которую добрая фея отправила на бал во дворец. Какая девушка не мечтает хоть раз в жизни оказаться на настоящем балу или королевском приёме, закружиться в прекрасном платье в ритме вальса и даже встретить настоящего принца.

Лишь бы в конце не оказаться у разбитой тыквы, которую доедают серые крысы!

* * *

На поляне стояла толпа. Дело шло к вечеру, и на западе багрянцем пылал небосвод. Трое молодцев отличались от полусотни остальных оборотней разных родов. Широкоплечий и статный опирался на боевой молот, поджарый и жилистый был вооружен парными клинками и

огнем в волчьих глазах, а третий с четырьмя кривыми саблями за плечами, держал окованный сталью щит, на котором был отчеканен родовой герб.

И в Китеже и в землях Скив знали хорошо эту троицу. Одни произносили их имена с придыханием, другие с благоговейным трепетом. Они были похожи и непохожи одновременно. Они были братьями, но родственниками по крови не являлись. Илья Муромский в народе прозванный Хмельным, Добрыня Никиты-Косолапного сын и Алексей Папович с восточной заставы.

Каждую седмицу, Илья на этой тренировочной поляне созывал совет десятников сотников и тысячников.

– Ты задержал пропойцу у трактира дядьки Соловья? – спрашивал воевода Илья у десятника городской стражи Сома.

– Я, – выпятив широкую грудь ответил тот.

Илья, один из троих кого остальные непререкаемо чтили за вожака. Если бы не его вторая супруга и пожар в Сером доме, пожалуй и старший сын Святозар через годик-другой встал бы рядом с отцом в Дикой сотне.

Вот только Сом был выше его на целую голову, шире в плечах, да и крепче всех что сейчас топтали траву на этой опушке. Ну кроме Добрыни Никитича из рода Хозяев леса, с ним он был вровень. Ему, сроднику Бурого медведя, и положено плечами подпирать небосвод.

– А зачем руку сломал? Знаешь ли ты, что семья его без кормильца, на месяц осталась? – грозно спросил воевода.

– Не специально я, я легонько только... – неуверенно начал отпираться Сом. Щеки его начали заливаться краской.

– Сломал, росомаха, сломал, – в звериных глазах волка вспыхнул мальчишеский азарт, он ударил десятника.

Тот устоял. Мало кто мог устоять после прямого удара Ильи.

Воевода на секунду смутился и ударил его еще сильнее. Но Сом стоял, не шелохнувшись, словно молодой дубок, стиснув зубы терпел. Илья отошел в сторону и теперь уже с нескрываемым интересом смотрел на деревенского детину из Звериного полесья. Давно не видел он такой стойкости и силы.

– Десятник, ты хоть по сопротивляйся для виду. Попробуй ударить в ответ что ли, – усмехнулся Илья и пригладил короткую серую бороду. В его взгляде читалось теперь любопытство.

– А что и ударить можно? – угрюмо переспросил Сом.

– Муромский, – смеясь обратился к Илье тот что был моложе всех в их троице, за чьей спиной виднелись гарды четырех сабель. – А не поторопился ли ты, приставив его десятником?

Позади широкоплечего росомахи послышался смех остальных.

– Ударь, – брызнул смехом десятник Зубоскал Кузьмич из рода Лисиц, у которого, несмотря на имя, зубов осталось по пальцам сосчитать. – Илья Никитич стоять столбом не станет.

– Если ударишь меня раз, сегодня дома ночевать будешь, а нет так в карауле! – Илья похоже не шутил.

Сом до хруста в суставах сжал кулаки, встал в стойку кулачного боя, которую выучил не далее месяца назад, и двинулся на волка. Илья тоже приготовился. Размах, удар – кулак впечатался в землю пролетев мимо груди Ильи. Сом не ожидал такой ловкости, направил удаль всю свою молодецкую в удар и теперь упал на землю, наглотавшись пыли.

– Что разлегся, увалень? – подтрунивал воевода. – Алешка, этот говоришь уделал тебя в “Князь горы” на Иван Купалу?

– Дык я ж в полсилы, одной рукой можно сказать. Играючи. Чтоб у девицы жениха не покалечить да не отвадить, – осклабился Алексей и выплюнул травинку изо рта, было видно слова старшего воеводы задела его самолюбие.

Сом знал историю каждого из богатырей, но и подумать не мог, что вызволяя любимую Асю в потешном бою, остановил самого Алешу Паповича.

Алеша Папович родился на каменных папах, на границе степей Мельхиор. Там у Дивреки на каменных столбах стоял деревянный острог и деревеньки его рода. Мужчины этого рода отличались особой ловкостью. А как иначе карабкаться на каменные попы по веревочным лестницам, мосткам да бревнам?

Росомаха оказался упертым. Поднялся с земли и снова ринулся на Илью, дабы не посрамить род, деревню, да мамку с папкой. Издав звериный рык и круша все что попадалось под когтистые лапы, которыми стали его руки. Остальные бойцы, следившие за борьбой отступили от них подальше, побоявшись что в пылу схватки подвернутся под горячую руку, ну или лапу Сомы. Илья был быстр, и легок, как ветер, а росомаха Сом, напоминал несокрушимый каменный столб с родины Алёши. Пара ловких движений воеводы и Сом снова глотал пыль.

Сому хотелось показать все то что он может, и он достоин защищать Китеж, страну Скив и Асю. Чтобы больше не смели посмеиваться над ним богатыри, а признали достойным. И вот он, его шанс ухватить Жар-птицу за хвост!

Воевода брал опытом, уворачивался от прямого столкновения: Сом мог не то что ударить его, убить одним неловким движением. Так они толи дрались, то ли тренировались на забаву китежской дружины. И Илья и Добрыня и все кто хоть что-то разумел в людях видели – по своей воле Сом не сдастся.

* * *

Вечером тяжелой поступью Сом вошел в светлицу своего нового дома. Маленькая съемная часть избы, почти в центре Китежа. Ася оказалась справной хозяйкой для любимого мужа: в горнице всегда было чисто, уютно и пахло полевыми травами, а на столе хозяина и нежданного гостя всегда ждал свежий хлеб и лохань сытной каши.

Сом явился затемно и в синяках, с расцарапанным лицом и с огромным букетом полевых цветов, которые Ася так любила. Распахнул двери и бросился к своей хрупкой хозяйшке – русалке из Звонящей реки.

– Ты же сегодня в караул был поставлен? – удивилась молодая жена и счастливо улыбнулась, приняв букетик цветов и положив ладонь на его могучее плечо. – Как раз хотела тебе сказать что-то важное.

– Что?

– У Зорана Горыныча будет внук, – зарделась румянцем Ася уткнулась лбом в широкую грудь мужа и погладила заметно округлившийся животик.

Глава 5. Иллюзии

Утром, Храбр, наконец, добрался на одной из попутных конных повозок до столицы Аркрума. Потом продолжил свой путь пешком по дороге к Раудвиллю. Его нос учуял смрад еще за несколько верст от города. Но лишь завидев мраморную арку городских ворот, парень понял, что именно так пахнет город. Гарь, печная сажа, подгнившие объедки в сливных канавах – все это вкупе и создавало флер от которого Храбра начинало мутить. Имперский люд кичился тем, что укротил силы пара и магии и своих северных соседей считал темными дикарями из дремучего леса. Что же, если так пахнет цивилизация, то Храбр согласен с гордостью именовать себя дикарем, лишь бы не жить в этой каменной помойке.

Вскоре, показалась городская стена из красного мрамора, заводские трубы что колоссами из бордового кирпича высились над столицей и курили, темно-серым дымом. К городу вела старая, мощеная булыжником дорога, отполированная ногами тысяч путников. Храбр поправил заплечный мешок с пожитками, спустил очки на глаза, мысленно подбодрил себя и зашагал к воротам. Позади него тут же раздался настойчивый гудок клаксона паромобиля.

– Всемиловитый Велес! – скив словно кот отпрянул в сторону, чтобы пропустить и заодно подивится на чудо-машину. О таких он только слышал, и даже видел на гравюрах в книгах у гончара Лана, но вот в живую... В живую это было завораживающе, не смотря на запах горячей меди и струй горячего пара, что самоходная повозка щедро оставляла позади себя. А ведь еще, как говорил тот же Лан, в Раудвилле покорили грозу, заставив стихию носить весточки точно отрок-посыльный. И уличные фонари, что по ночам разгоняют мглу, сжигая каменный газ.

Мысли эти разжигали в его пытливом уме приступы любопытства и детского восторга.

“Вот бы прокатится, на такой карете без лошадей и возницы.”

Росомаха пошел быстрее. Разыскать бы наконец Хельгу, а там как всемиловитый Велес распорядится.

Ходить скивы привычны сызмальства, потому до города он добрался быстро и еще ярче ощутил его запахи от которых с непривычки наворачивались слезы. В самом же городе парень растерялся. Вот он я, вот он Раудвилль. И что теперь делать? Где искать розововолосую целительницу?

Ну и что, что столица, а все одно – деревня. Люди ходят везде и нелюди. Да и он парень не робкий, нужно найти местного, что знает город пуще своей кровати. Расспросить, как и где найти этого щеголя Фалько – единственную ниточку в поисках девушки.

Утро. Работяги из рабочих кварталов вереницей тянулись и торопились на заводы. Торговцы продуктовых лавок и магазинов проснулись и открылись еще раньше, чтобы успеть продать свежий хлеб к завтраку. Появились юркие ребятишки, продававшие газеты и носившие с собой приступочки, чтобы за медяшку чистить обувь господ. Вот только что то в их глазах было не так. От каждого веяло напряжением, точно Храбр не гость этого города, а лихой человек, за чью голову констебли сулят награду.

Не понимая причины такого отношения к себе, Храбр осмотрелся с ног до головы. И ничего: свежая рубаха расшитая матушкой, кушак с рядовыми узорами, латные сапоги с ножом в каждом голенище и щегольские линзы темных очков. Уж что-что, а Храбр не выглядел хуже других! Иначе – да, но никак не хуже.

Присмотревшись к поведению местных жителей повнимательнее, заметил, что не к нему одному относятся с опаской. Дворфы заглядывают только в лавки к дворфам. Люди подходят только к тем магазинам, где хозяин явно человек. Люди, дворфы, редкий раз общались между собой, а если и общались, то только по большой необходимости, натянуто, словно это плохая актёрская игра и эти плохие актёры вот-вот вынут из-за пояса нож и кинутся друг на друга. А

слова нужны лишь для того, чтоб притупить бдительность. И только аслау, наплевав на пред-
рассудки, одинаково охотно общались и с людьми и с дворфами.

Хотя может быть эти аслау были странными, парень за всю свою жизнь встречал их лишь
трижды, один из которых был сейчас.

У моста через реку, что разделяла город на две части, молодой росомаха спросил у
паренька-почтальона дорогу к Театру иллюзий. Мальчишка примерно лет десяти не задумы-
ваясь показал ему на остановку, к которой подъезжали конки.

– Доедете до Театральной площади, там еще такой фонтан на ней стоит – баба голая с
кувшином в руках – цирк сразу узнаете. Трудно не узнать, господин...

– Спасибо, брат!

Не дослушав его, Храбр с восторгом запрыгнул в первый подъехавший вагончик, запря-
женный четверкой.

– Да не тот, не тот номер... – прокричал мальчишка в ответ, но росомаха давно его не
слышал. Не глядя он отдал кондуктору два гроша. Вздрыгнул, когда конка тронулась, приня-
хался, снял очки, показав всем пассажирам свои звериные желтые глаза, подмигнул красотке,
сидевшей на ближнем сиденье, поздоровался со всем вагоном. Увидев лестницу на второй
открытый ярус транспортного средства, взбежал туда и уселся рядом с господином в фиолето-
вом цилиндре.

– А вы любите фокусы, – спросил он попутчика и снова надел очки, чтобы казаться солид-
нее.

Спустя час, когда конка сделала третий круг по городу, и у него сменился пятый попут-
чик, притом никто из них фокусы не любил, росомаха разочаровался и решил поинтересо-
ваться у кондуктора, когда они доберутся до Театра иллюзий.

Конечно кондуктор его огорчил, тем, что он сел в другой экипаж и надо пересесть.

Он пересел и добрался до Театральной площади. Сразу узнал её по фонтану со статуей
обнаженной девушки и по огромному зданию Театра иллюзий. Крыша оного была похожа на
шатёр, остроконечная раскрашенная в синюю и красную полосы.

Храбр направился напрямиком к главному входу с кассой. Дверь оказалась не запертой и,
не смотря на оклики персонала театра, устремился внутрь здания. На лестнице натолкнулся
на того метателя ножей, что видел в Китеже. И он оказался совсем не слепым: злобно смотрел
на него во все глаза.

– Кто ты и как тут оказался, и куда направляешься? – спросил прозревший слепец.

– Я ищу Фалько, где он?

– Хозяина? Росомаха, кто ты, и зачем тебе господин Фалько?

Но, Храбр не стал отвечать вопрошавшему, а стремительно помчался дальше. И Когда
он ворвался в коридор, сразу увидел человека в знакомом плаще: тот шел к нему спиной вдоль
стены.

– Стой! – рявкнул Храбр. – Стой, артист!

Из-за угла коридора к нему навстречу выскочили двое.

– Чего ты расшумелся, любезный? – спросил высокий и встал на пути Храбра.

Тот почувал, что эти двое тоже оборотни: барс и саламандра.

– Я ищу целительницу Хельгу, – крикнул Храбр вслед фокуснику Фалько.

Тот остановился и резко развернулся к буяну.

– С чего ты, скив, решил, что она здесь? И почему решил, что я знаю какую-то Хельгу?

– Вас видели вместе в Китеже, во время побега и разгрома носорогами площади. Вы
скрыли её у себя!

Фалько усмехнулся. Цинично усмехнулся, Прикоснулся пальцами в белоснежных пер-
чатках к краю цилиндра.

– Согласен, девушек ко мне не мало приходит, но это не значит, что я каждую должен по имени помнить.

– Мало не мало, но девушка с розовыми волосами в Китеже была всего одна, – уточнил Храбр и хотел приблизиться.

Тот парень, от которого пахло огромной кошкой преградил дорогу:

– Ты кто?

– Храбр из Китежа.

– Нет у нас никакой Хельги! – сказал оборотень-саламандра с узкими, как у рептилии зрачками и нервно рассмеялся. – И не было никогда.

Росомаха присмотрелся к этим двум перевертышам и понял – связываться не стоит.

– Проводите Храбра из Китежа к выходу, – попросил своих странных охранников Фалько.

Барс и саламандра приблизились.

Скив не стал дожидаться, когда его выведут силой, сам последовал вон. На душе было весьма паскудно. Ведь эти “господа” его обманывали.

Уже на улице, у самого входа в театр, Храбр снова столкнулся с прозревшим метателем ножей. Подручные Фалько подозрительно повеселели. Метатель курил вонючую папиросу, и пустил дым прямо в лицо росомахи.

– Не наглеи, дедуля! – отмахнулся от клубов дыма Храбр.

Дед заголосил, и начал звать проходивших мимо по площади констеблей с двумя черными псами на поводках:

– Господа, сюда – сюда, этот парень ворвался в Театр Иллюзий, напал на господина Томаса.

Констебли взяли за дубинки, двинулись на Храбра.

– Предъявите грамоту, сэр! – прокричал тот, что помоложе.

Скив не стал дожидаться, когда представители порядка подойдут близко и дал такого деру, что даже юркие полицейские псы не успевали за ним.

Храбр пересек площадь и завернул в ближайшую подворотню. За спиной у него раздавался злобный собачий лай. Верные друзья человека догоняли. Оборотень развернулся к псам, частично трансформировав свою руку в звериную когтистую лапу, разбросал прыгнувших на него разъяренных псов. Раздался собачий визг, полный боли и животного страха. На мостовую брызнули бурые пятна, звуки свистков, крики констеблей: “Стоять! Не двигаться!”

Оборотень и не думал подчиняться, помчался в сторону ближайшего заводского забора метра два в высоту увитого по верху гирляндой колючей проволокой и... и с ловкостью ужа перепрыгнул его. Вот только за первым забором оказался второй. Между ограждениями шла полоса земли утоптанной до состояния камня. Изнутри забор был покрыт клочьями шерсти и почему-то очень сильно пахло псиной и подгоревшим мясом.

Но потеряв перевертыша из виду, констебли не прекратили преследования. Один из констеблей остался сторожить снаружи забора отбивая дубинкой незамысловатый мотив по кирпичной кладке, второй вбежал на проходную:

– За забор перепрыгнул преступник! – заорал констебль.

– Не повезло ему, – посочувствовал молодой парень в форме, дежуривший на проходной и выглянув в оконце на территорию завода крикнул, – Самсон, тут констебль говорит, что какой-то воришка сиганул через забор.

На проходную зашел суровый и, похоже, мучившийся от тяжелого похмелья человек с нечесаной бородой. От него разило не только алкоголем, но и псиной и чем пахло больше, еще неизвестно. Лицо вошедшего псара вызвало ступор даже у видавшего виды констебля: разодрано, покрыто рубцами и шрамами, рот был разорван от скулы до скулы, а его зарубцевавшиеся края стянуты серебряными кольцами.

– Шего бобби² забыли?

– Мистер, через забор перепрыгнул потенциальный преступник. Немедленно пустите меня в эту зону для досмотра, или привлеку за укрывательство!

– Ах, ну ежели прыстукник, – старый псарь передразнил констебля – господин бобби может пройти! – и господин Самсон расплылся в улыбке, указывая на окованную металлом дверь. – Токмо напишите бумажку своим родственникам, мол так и так при исполнении служебного долга и экс-сержант Самсон Грюм меня туда силком не заталкивал.

Псарь даже поклонился в издевной полковнику, а рыжий парень без стеснения засмеялся над полицейским.

Парнишка хотя и был на полтора десятка лет младше констебля, смотрел на него, так сказать, сверху вниз, “черные шлемы” в рабочих районах не сильно любили. Однако спорить парень просто не рискнул, даже и помыслить не мог, а потому, проводил констебля за забор завода. Вдвоем они и прошли до следующей проходной, но никого не встретили.

– И где прыстукник? – зло засмеялся парнишка.

– А где твои злые собачки? – вернул колкость в ответ констебль.

И в самом деле прогуливаясь туда – обратно они не встретили ни одного волкодава.

– Лесси щенков принесла, – рыжий парнишка будто оправдывался перед полицейским. – загляни в их будку, – парень будто сам поверил в придуманное на ходу оправдание. – Чур, твою каску и дубинку я заберу себе.

Псарь заглянул в сарай. Все собаки находились там где он и думал: в узкой дощатой будке и не желали выбираться под ненастное небо. Гурьбой ютились в левой её части, а Лесси, самая старая и злая сука, свернувшись калачиком спала в другой.

– Никого, Бобби, во как вы облажались! – с улыбкой подколот он констебля. – Мальчик, знает что, здесь на территории завода ему ничего не грозит, а там, на улицах Раутвиля, его еще надо поймать.

Полицейский сделал вид, что не заметил едкого комментария сорванца, однако постарался запомнить его веснушчатую физиономию. Ох и не повезёт же парню, если тот светится ему на патруле. Однако тот, кто перепрыгнул через забор, все таки ушел, и это странно.

– Не съели же они его? – констебль сдвинул черную краску на затылок. Теперь он не знал что писать в рапорте.

– Кто знает, кто знает... – парень указал ему на бурые темные пятна на заборе, – думаешь откуда они здесь?! – подмигнул рыжий, увидев озадаченность и испуг в глазах полицейского, но решил быть до конца честным. – Может это конечно была и кошка, а может как раз тот самый воришка, кто ж теперь узнает.

Когда рыжий мальчонка и констебль ушли и их голоса больше не было слышно, Храбр осторожно выбрался из сарая. Выпустил перепуганных собак и мигом махнул через второй забор на территорию завода. Добежал до стоянки паромобилей и затаился.

Прозвучал гудок, от которого оборотень едва не припустил в штаны. Такой рев мог издавать только монстр, однако, кроме него никто не испугался неведомого рыка, наоборот люди засуетились: кто заходил на территорию завода через проходную, а кто и наоборот – выходил. Рабочие громко разговаривали между собой, смеялись. Храбр спрятался под паро-каретой и думал о том, куда ему теперь податься.

– Эй, парень, – окликнул его неизвестно откуда взявшийся мужчина в кепке. – Чего ты тут делаешь? Гудок уже дали! Марш в раздевалку! – и для мотивации приложил его газетой по спине.

– Я тут первый день, – почти не соврал Храбр и направился к двери корпуса, на который ему указали.

---

² Бобби – жарг. обозначает полицейский, констебль.

– Оно и видно. Я старший смены, зовут мистер Спайк, обращаться на “вы”, почаще и с почтением, зелень неотесанная. Переодевайся, покажу тебе твое рабочее место.

Зайдя в раздевалку он растерялся. Пахло мылом, дустом, соленым потом работяг. Над головой по потолку до душевой были протянуты медные трубы. То, что они с горячей и холодной водой, Храбр понял лишь пронаблюдав за другими работягами. Впрочем, подивившись изобретательности и лени аркрумцев: вместо того чтобы топить горячую баню, они заставили кипятик бежать по трубам! Рабочие, прибывшие на смену, подходили к своим ящикам переодевались в робы. Другие, напротив, вернулись из цеха, и направились в душевые, откуда валил теплый пар.

– Фауст, – похлопал его по плечу мастер цеха. То что это мастер, парень понял по клеймоду с печатью завода, который тот носил на толстой цепи. – Идём со мной, я провожу на склад, чтобы ты мог получить форму. А потом покажу рабочее место.

– Я между прочим хороший кузнец, – сказал Храбр.

– Поставлю тебя на механический молот, – обрадовал его мастер и добавил. – Работа конечно тяжелая, но хозяин платит сносно. При заводе имеется столовая, о комнате в общестии уже договорился. Жить будешь как человек.

– Как человек, это хорошо, – согласился росوماха.

Услышав о таком чуде техники как механический молот, Храбр, который уже хотел было сбежать с завода по тихому, решил задержаться и посмотреть, что да как. Когда его проводили к молоту, долго, и с восхищением его осматривал. Большой и мощный станок стоял в просторном цеху, пропахшем машинным маслом. Рядом со станком ожидали своего часа металлические заготовки. Работа тяжелая, но не сложная – клепать некоторые детали для паромобилей. Работать на станке Храбр быстро научился. Да и чему тут собственно учиться, если с металлом он и так знаком с раннего детства, да и металл “говорит” с ним.

“Останусь здесь, пока не найду Хельгу”, – твердо решил он и был этим доволен.

Ближе к обеду к нему подошел парень. Притом, он был на него похож: с темной, коротко стриженной бородкой, жилистый. Вот только выше немного и с голубыми глазами. Он зашёл в цех. Увидел что его место занято другим работником.

– Фауст? – сразу догадался росوماха и хлопнул его по плечу.

– Да, – вытаращил на него глаза парень.

– Снова опоздал? Как тебя мистер Спайк распекал, загляни к нему. За то, что подвел, он обещал твою голову под молот пустить, – на ходу придумал Храбр.

– Да, – покраснел, – загляну, – ответил уже тише, опустил голову и попятился к двери.

Храбр усмехнулся в усы. Никуда этот Фауст не заглянет, а наверняка что есть прыти побежит к проходной.

“Неужели господин Спайк настолько суров, что парнишка принял его слова за чистую монету?” – рассуждал Храбр придвинув к молоту новую заготовку.

* * *

Паромобиль господина Гелиота Нейджи подъехал к дворцу. То, что это был именно дворец, не трудно догадаться: величественное и большое здание, а если точнее это выглядело, как небольшой город в городе. На огромной, главной площади, вымощенной желтым камнем, стоял целый комплекс дворцовых построек. И именно от Королевской резиденции начинались главные улицы Раудвилля. Вмстительный сад, парк и въезд окружала высокая ограда в виде виноградной лозы из металла с цветами и гроздьями винограда.

– Лоза – символ жизни и власти, – пояснял Хельге Гелиот Нейджи. – Сама разросшаяся лоза означает силу и крепость королевской династии, а вот гроздь винограда, это поданные, которых эта лоза питает и взращивает. Но у народа аслау и скив, лоза – символ лживости и

вероломства, – добавил он и поправил фрак, который смотрелся на нем, как-то нелепо; обычный пиджак шел ему гораздо больше.

Его супруга, Софи многозначительно взглянула на него. Она была женщиной не лишенной осторожности.

– Дорогой, такие разговоры к добру не приводят.

– Полно, здесь все свои, – оглядел он салон машины и взгляд его остановился на Хельге. – К тому же, это просто помпезный забор и не более того.

Паромобиль инженера-изобретателя повернул к дворцовой стоянке. Там дежурил лакей в бордовой ливрее и шапочке. Увидев на машине торговый знак семьи Нейджи и самого смуглого и беловолосого конструктора, указал место, где можно поставить машину. Нейджи вышел из машины, сам придерживал дверцу, выпуская из салона супругу и Хельгу.

Лекарша почувствовала некоторое волнение. Вспомнила, как в точно таком вот красивом платье была только на школьном выпускном балу. А сейчас и платье побогаче и гости совсем не школьники.

Изобретатель с женой и Хельга проследовали к главным воротам дворца по зеленой ковровой дорожке, которую постелили для гостей от самой стоянки. Дорожки оказалось две – вторая была от стоянки для конных экипажей. Такое разделение очень показательно указывало и на деление в обществе Раудвилля.

Конными экипажами пользовались в основном маги, которые считали творение технарей лишь блажью моды и некоторой насмешкой над магической силой. Ведь некоторые изобретения инженеров, могли наравне соперничать с тем, что сотворено было с помощью магии. Обо всем этом в двух словах пояснил Хельге Гелиот Нейджи, до того, как они выбрались из кабины паромобилля.

Хельга заметила, что маги даже в выборе одежды старались отличаться от изобретателей. Если среди последних в моде были котелки, цилиндры, пальто с остроконечными воротниками, пиджаки, фраки, брюки. У дам юбки и женские расшитые жакеты, дамские шляпки более ярких цветов, украшенные перьями и множеством всяких безделушек, а также узкие приталенные платья. Мужчины, особенно дворфы, предпочитали строгие и ровные стрижки в том числе на усах и бороде. А у магов длинные накидки и перчатки всех цветов радуги. пиджаки в пол, плащи, платья с корсетами и пышными подолами. Мужчины-маги избегали покрывать голову вообще каким-либо головным убором. Молодые мастера отращивали волосы до плеч и ниже, и растительность на лице носили лишь те, кто был уже не молод. Магов на королевский приём прибыло немного.

Две эти ковровые дорожки в конце сходились в одну. Маги и технари сдержанно приветствовали друг друга, но руки нежимали. Только косой взгляд в сторону оппонента и сдержанное приветствие, ради соблюдения правил приличия, разговоры ни о чем – это все, в чем выражалось общение двух этих городских каст.

Далее все оказалось еще сложнее, Гелиот вытащил из портмоне два пригласительных билета, украшенные золотом и сургучной печатью. А вот у Хельги таких бумаг не оказалось. Девушка искала взглядом своего покровителя, но как назло иллюзиониста нигде не было видно. Неужели придется позориться и стоять у ворот, как попрошайка.

Гелиот заметил нервное состояние Хельги.

– София, свет очей моих, – обратился он к супруге, – не могла бы ты побыть с нашей гостьей тут еще немного, а я пока пойду на приём и может там встречу ее спутника.

– Он мне не кавалер, он мой работодатель, – целительница сделала строгое замечание. Потом прикусила губу, укорив себя за то, что так дерзко обращается к тому, кто, фигурально выражаясь, почти спас ее жизнь и честь в глазах Томаса.

Гелиот, впрочем, никак не отреагировал на резкий выпад девушки. Лишь кивнул своим спутникам, вручил ей пригласительный Софии, а сам быстрым шагом направился к воротам, где дворцовая стража сверяла пригласительные со списками гостей.

– Ты очень импульсивна, Хельга, – мягко заметила София, когда ее муж уже прошел проверку и растворился в толпе гостей. – Я, конечно, ни на что не намекаю, но господин Фалько очень хорошая партия для любой девушки. А хороших девушек в Раудвилле не так и мало.

Хельга осмотрелась, в очереди стояло еще несколько довольно ярких красавиц, наверняка родившихся в хороших семьях и выдрессированных гувернантками, обученных искусству флирта и красноречию.

– София, у меня уже есть избранник. И извини конечно, но я не ищу выгодной партии для себя. Сегодня я уже убедилась, что все эти виконты и прочая знать – закорюченные снобы, не желающие принять то, что женщина может делать что-то лучше и быть в чём-то искуснее.

Хельга припомнила сегодняшнюю встречу с виконтом Августом Крайтоном; ничего не заметила кроме напыщенности, самолюбования, эгоцентризма, помноженного на его идиотскую теорию.

София сдержанно улыбнулась, при этом не выдав истинных эмоций и ни один мускул на её лице не дрогнул. Умела эта женщина скрывать свои истинные чувства и мысли.

– Мужчины – они как дети. Быть во всем первыми им льстит, и они ничего не хотят менять. Им так привычнее. Но, должна заметить, за плечами каждого великого мужчины стоит не менее великая женщина, которая сделала своего избранника таковым.

– Раннее средневековье! Венец шовинизма! Меня за мои знания и навыки кучка фанатиков уже хотела сварить в масле, но это там, в землях Сквив. Здесь же народ совсем другой, – она кивнула на толпу богато одетых гостей двора. Утонченный, образованный! Думаю, не опуститься до такого варварства. Они выберут костер или четвертование, а может гильотину.

Девушка невесело усмехнулась собственным рассуждением, а вот лицо Софии и без того бледное от пудры, приобрело зеленовато-серый оттенок.

– Ты преступница? За что тебя хотели сварить? – она спросила полупшепотом, прикрывая губы белым веером.

– За то, что спасла мальчика от мачехи-отравительницы. А пердуны-старейшины увидели во мне жрицу какого-то Чернобога. Медицину от черной магии отличить не могут, фанатики в балахонах.

– И как же ты спаслась? – взгляд Софии источали ужас и благоговение.

Позади них послышалось цоканье металлических набоек по каменной мостовой, и женщинам пришлось прервать разговор. София непроизвольно отошла от Хельги, словно боялась, что их могут случайно обвинить в знакомстве. На счастье обоих, подошедшим оказался иллюзионист Фалько. Глаза у него были чумные, а губы от напряжения вытянулись в тонкую полоску.

– Хельга, я просил тебя появиться во время! Это приём во дворце! Я не могу выступать без ассистентки! Если бы ты не появилась то... – что именно “то...” он договорить не решился.

Только бросил взгляд на Софию, извинился за то, что ворвался в их беседу так неожиданно и, подставив локоть Хельге, пригласил продолжить беседу внутри дворца королевской четы. После чего все трое прошли контроль дворцовой стражи.

Вскоре к ним подоспел и господин Неджи, мягко подставив локоть для своей супруги. Он хотел было завязать разговор с Томасом и Хельгой, но фокусник учтиво отказался, сославшись на то что им с Хельгой еще предстоит готовить номер, а времени не так уж и много.

Небольшая комната уже содержала в себе все требуемое для будущего представления. Большое зеркало в человеческий рост в деревянной резной оправе, столик с реактивами, клетку с белым кречетом, перья которого отливали металлическим блеском. Вот только Хельга

и Фалько не репетировали, и девушка до конца не знала, что ей предстоит делать. Но как ни странно, этот вопрос нисколько не беспокоил ни её саму, ни её компаньона.

– Просто стой и улыбайся. Когда потребуется, я покажу что нужно подать или наоборот, убрать, – пояснил он, методично перекладывая на кофейном столике на колесиках ингредиенты, реактивы и баночки, при этом втирая в руки какую-то мазь.

– То есть, по твоему, я просто смазливая кукла с обязанностями подай-принеси и уйди-не мешай? – Хельгу начинало откровенно злить такое отношение со стороны Томаса.

– В данный момент, да, – он и ухом не повел, хотя точно распознал угрожающие нотки в голосе девушки. – У тебя много других талантов, поэтому я и помог тебе в трудную минуту. Но сейчас мне нужен не талант, а твоя красота. Ты видела гостей которые пришли на мероприятие? Почти все из них давно женаты, а семейное счастье легче всего разбить обыденностью и бытом брака. Выйди в центре зала, они будут меньше смотреть на мои манипуляции и больше созерцать тебя. Так понятно?

Томас вроде как и подтвердил обидное предположение Хельги, но и следом похвалил за красоту и тут же объяснил, для чего нужны именно красивые ассистентки. Уродиной Хельга себя никогда не считала, даже наоборот, но лишнее упоминание из мужских уст льстит любой женщине. Стоит ли говорить, что она согласилась, да и был ли у неё выбор.

– Ты хочешь шоу? Ты его получишь! Только потом не жалуйся, что никто и не запомнил в чём состояли твои фокусы. Ах, да, и все расходы за то, что я сотворю с платьем тоже ложатся на тебя. Деньги, которые ты мне выделил, считай их благодарностью за мою помощь, – Хельга нахально закусил губу и подмигнула мастеру.

– Паевые, будут, если ты сумеешь справиться с задачей, – принял её вызов иллюзионист.

Девушка сдернула с волос приколотую на шпильке вуаль, расправила волосы так, чтобы они ниспадали с плеч, как струю водопада. Схватив острый ножичек с кофейного столика девушка ловко рассекла пару сантиметров шва возле декольте, освобождая грудь из тисков корсета, так что это было за гранью добра и зла. Развернула объемную юбку так, чтобы разрез, сделанный сзади для удобства ходьбы, довольно нескромно открывал девичью ножку в белых гольфах чуть выше колена с алым бантом, который в иных обстоятельствах мог увидеть лишь избранный.

Фалько стоял как вкопанный, и пристально смотрел на неё, потом сказал:

– Поздравляю, Хельга, ты меня удивила. Так, что первый пункт нашего договора выполнен.

Девушка навела последние приготовления, хмыкнула про себя отметив, что высокородные дамы ещё и поблагодарят ее за пыл мужчин, который она разожжет в них во время представления и который они потом выместят на своих супругах на семейном ложе.

– Чем это пахнет? – вдруг встрепенулся Фалько оторвавшись от мелких приготовлений.

Девушка оторвалась от зеркала и принялась прикрыв глаза для большего сосредоточения. Воздух и вправду был пропитан приятными тонкими ароматами.

– Персик маракуйя и... – она старалась угадать ароматы.

– ...И мята. – дополнил ее предположение Томас, а затем прикрыв глаза, точно ищейка, вдыхая воздух носом степенно направился в ее сторону. – Хельга, это ведь от тебя пахнет. Откуда такой тонкий парфюм?

Хельга озадачилась, духами в Раудвилле она обзавестись не успела.

Зал для приема сиял великолепием. Гости сбивались в небольшие стайки, что-то обсуждали между собой. Молодые, стройные официанты в фраках разносили на подносах напитки. Разнообразные закуски, сладкие, мясные и рыбные стояли на фуршетном столе. Заморские гости, приглашенные по знаменательному случаю именин молодого короля, приносили богатые дары, целовали руку королеве регенту заверяли в вечной дружбе и благосклонности.

Наверное только для девятилетнего мальчика, которому через несколько лет еще только предстоит одеть на себя корону Великой Империи эти слова казались искренними. Все же остальные прекрасно понимали – это лишь правила приличия и дворцовые игры, не более того.

Ближе к исходу десятого часа, поток искусной лести был закончен.

Фалько указал имениннику на центр зала, куда все те же официанты вынесли два высоких зеркала. Публика встала ближе к стенам, чтобы дать иллюзионисту простор для представления.

Хельга начала отвлекать публику. Уж что-что, а эпатировать публику Хельга умела с тех пор, как ее бюст перестал уместиться под детским топином.

Фалько взяв Хельгу под руку вышел к зеркалам и начал:

– Сегодня, в славный День рождения молодого императора, – он поклонился мальчику лет девяти, восседающему на слишком большом для того троне, который светился от счастья, – Я и моя помощница, – он указал на Хельгу, хотя в этом не было никакой нужды. Именитые графы, виконты, зарубежные послы и просто гости откровенно разглядывали молодую розоволосую девушку. И если мужчины это делали с плохо прикрытым вожделением, то женщины с откровенной завистью.

Иллюзионист дважды хлопнул в ладоши и газовые светильники, что освещали дворцовый зал, притушили, создавая таинственный полумрак. Хрустальные люстры в центре зала, под самым потолком, наоборот вспыхнули еще ярче, освещая импровизированную сцену.

Ростовые зеркала, в богато украшенных деревянных рамах, были установлены спинками друг к другу, между ними небольшое пространство и для того, чтобы показать что их ничего не связывает. иллюзионист провел между ними рукой.

– Молодой император, королева регент, – Фалько обратился к хозяевам торжества. – попрошу вас стать участниками нашего представления и встать каждого из Вас перед своим зеркалом.

Его просьба была удовлетворена: мальчик с плохо скрываемым волнением смотрел на своё отражение, теребил гарду сабли, а его бабушка без интереса смотрела на свое отражение. Иллюзионист продолжил:

– Зеркало одно из древнейших изобретений. Оно есть в каждом доме. От маленьких оловянных, в домах простого люда, до больших серебряных, что используют для предсказаний звездочеты ее Величества. И, согласитесь, в этом отражении есть какая-то загадочная магия, неосязаемая, но определённо она есть. И сейчас мы все к ней прикоснемся. Все присутствующие здесь гости увидят не магию, но Чудо! – произнес он для собравшихся, и обратился ко всем, для кого предназначалось это представление. – Император Генрих и королева Мария пожалуйста протяните руку и прикоснитесь к собственному отражению.

Мальчик протянул руку сразу без каких либо сомнений. Королева медлила несколько секунд и только потом с явной неохотой или даже скукой прикоснулась к гладкой поверхности. Как только и её старческая, морщинистая рука коснулась зеркала. От прикосновения по стеклу разошлись круги, точно она коснулась отражения в воде или маленьком озере. То же самое произошло от прикосновения молодого принца и тот в легком испуге отдернул руку. Но через мгновение вернул ладошку на место.

Гладь на стеклянной поверхности улеглась. Все присутствующие, что смотрели не на Хельгу, а на представление, ахнули. Раздался восхищенный шепот и было отчего, отражение молодого принца стало изменяться. Там он начал расти и мужать. Прошло пару секунд и из отражения на всех смотрел не мальчик, а юноша лет семнадцати с уверенным, даже жестким взглядом, с не густыми бакенбардами пшеничного цвета. Еще секунда, и отражение снова изменилось, явив молодому принцу и гостям уже взрослого мужчину лет двадцати пяти. Он не был отражением мальчика, принц из-за зеркала обладал собственными эмоциями и сейчас с улыбкой смотрел на маленького себя.

С отражением королевы происходило противоположное. Её отражение молодело, морщинки на лице разглаживались и исчезали. Через пару тактов сердца, казалось, что исчезли пара лет её вдовствования. Еще пару мгновений и из зеркала на зал смотрела юная девушка с золотистыми волосами, летами не старше Хельги.

Гости перешептывались, задавая друг другу восхищенные вопросы. Удивлены были даже маги. Магия может расплавлять огнем скалы, обращать реки вспять и насыщать ураганы. Но не один из мастеров магии не мог отматывать время вспять или ускорять его бег. Ведь время не подвластно даже могучей магии.

Фалько подошел к зеркалам, стоявшим параллельно друг другу и повернул их лицом к гостям так, чтобы они образовывали единое зеркальное полотно, разделенное только рамами. Отражения принца и королевы-регента никуда не исчезли. В зеркале стояло повзрослевшее отражение короля Генри и помолодевшей королевы Марии, сбросившей минимум полсотни лет, счастливо улыбались гостям и своим оригиналам.

В зале некоторое время царило молчание.

Фалько хлопнул в ладоши и оркестр, расположившийся на балконе под потолком зала, заиграл быстрый мотив. Кроль из отражения протянул руку королеве регенту из соседнего зеркала и они закружились в быстром вальсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.